

Миргород Марина

Книга рекордов бизнеса

Марина Миргород

Книга рекордов бизнеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22471074

ISBN 9785448357862

Аннотация

Авантюрно-детективный роман «Книга рекордов бизнеса» рассказывает историю семьи российского олигарха Амелрессова. Его подозревают в убийстве делового партнера Эрика Оффенгеймера, крупнейшего бриллиантового магната. Волей судьбы в руки Дэна, сына старинных друзей Амелрессова, попадает дневник погибшего. Дневник меняет мировоззрение юноши и знакомит его с философией Оффенгеймера, в основе которой лежит идея о том, что объективной реальности не существует, а существует лишь многообразие её версий.

Содержание

Часть I. Приключения начинаются	7
Глава 1. Самое изысканное общество	18
Глава 2. Самый умный осьминог	44
Глава 3. Самое любопытное	71
Глава 4. Самое интересное расследование	85
Глава 5. Самая маленькая страна	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Книга рекордов бизнеса

Марина Миргород

«During times of universal deceit telling the truth becomes a revolutionary act».

George Orwell

«О, на что только ты не толкаешь алчные души людей, проклятая золота жажда!»

Вергилий

Иллюстратор Наталья Ямщикова

Корректор Екатерина Пантелеева

© Марина Миргород, 2017

© Наталья Ямщикова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-5786-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события, фигурирующие в этом романе, – плод воображения автора. Все совпадения и сходства – лишь невероятные и обескураживающие совпадения.

Особая благодарность моей маме Наталье Витальевне Миргород за то, что она вдохновила меня на многие смелые повороты сюжета, а также на то, чтобы дописать эту

историю до конца.

Особая благодарность моему мужу Джему Эмджету Бангуоглу за то, что он вдохновил меня на публикацию данной книги.

А также особая благодарность моей подруге Екатерине Пантелеевой за кропотливую работу корректора и за конструктивную критику.

Часть I. Приключения начинаются

– Ты же ни за что не прыгнешь, Дэн! Ты не решишься, тут так страшно, высоко, и такое сильное течение, – слабым голосом проговорила миловидная девушка болезненного вида, лежавшая на белоснежной кушетке на верхней палубе впечатляющей пятидесяти двух метровой яхты. Казалось, она улыбалась и говорила через силу, из благодарности за то, что ее развлекает жизнерадостный Дэн, высокий юноша с доброй улыбкой.

– Как это не решусь! Очень даже решусь! – и он взглянул на плотную массу зеленовато-голубой воды где-то далеко внизу, – Вот, смотри, считай до трех! – смеясь, скомандовал Дэн.

Эмма досчитала до трех, после чего послышался резкий и оттого дико пугающий возглас Дэна:

– О боже! Эмма, там что-то... в воде, мне кажется...

За бортом к краю яхты, покачиваясь на волнах, подплыл труп.

Поздно вечером того же дня семейства Енисеевых, откуда родом был Дэн, а точнее Даниил, и Амелресовых, к которо-

му принадлежала Эмма, довольно угрюмо восседали на нижней палубе судна за помпезно накрытым столом. Вечернюю трапезу с ними разделяли гости: израильский бизнесмен, господин Абельман, кузен Марии Амелресовой, большую часть жизни проживший в Израиле и США. Также среди гостей был бельгийский ученый Томас, который передвигался на инвалидном кресле по причине одолевшей его болезни позвоночника.

Пламя огромных фигурных свечей, расставленных повсюду, рождало таинственные блики, отражаясь в бокалах с шампанским. Настроение у всех было подавленным, лица уставшими.

Как только ребята рассказали об увиденном, капитан яхты сообщил всем охранным инстанциям на берегу о происшествии, в течение двух-трех часов к яхте стали подплывать представители местной полиции и прессы. Они беспокоили отдыхающих на яхте, донимая их расспросами. Однако уже вскоре начальник полиции города Канны, самолично прибывший к месту событий, распорядился никоим образом не тревожить почтенных русских туристов, принес им свои извинения за участие в столь неприятном деле и нижайше попросил разрешения задать им всего лишь пару уточняющих вопросов наедине, без посторонних свидетелей. Все это утомило наших отдыхающих, которые с гораздо большим удовольствием предпочли бы отплыть подальше от злополучного места и продолжить морскую прогулку

вдоль Лазурного Побережья, проигнорировав побуждения полицейских в целях безопасности незамедлительно направиться к берегу. Однако реализовать задуманное им не удалось, ибо они вынуждены были повиноваться распоряжениям морской полиции, и остановить судно.

Поездка и так для обоих семейств была далеко не развлекательной. Единственная дочь Амелресовых, хрупкая очаровательная девятнадцатилетняя Эмма в последнее время жаловалась на серьезное недомогание. Первый неожиданный обморок с ней случился за день до свадьбы. После этого прошло около месяца, врачи прилагали массу усилий для определения причины недуга, но все они в итоге разводили руками и ссылались на всякую чепуху, вроде нервно-эмоционального перевозбуждения из-за свадьбы. Но то, как развивалось состояние девушки, давно перестало напоминать «нервно-эмоциональное перевозбуждение». Она становилась бледнее с каждым новым днем, еще один раз с того первого случая падала в обморок, потеряла аппетит, периодически испытывала трудности с дыханием, у нее появлялась непонятная испарина, мучали кошмары по ночам. Так что на семейном совете было принято решение оставить ее молодого мужа Александра Фернандеса во главе бизнеса отца Эммы примерно на месяц и отправиться с семьей и самыми близкими друзьями в путешествие по Средиземноморью. Даже октябрьские прохладные ветра не пугали путешественников. Самым важным было помочь Эмме выйти из замкну-

того круга ежедневного страдания, полностью сменить обстановку. Да и морской воздух, как известно, обладает волшебными лечебными свойствами.

– Наконец-то этот сумасшедший день закончился, – нарушил молчание Вадим Амелресов. Все уже умирали от любопытства, что же ему стало известно из уст главы городской полиции. Всем хотелось знать, кто был этот человек за бортом. Полиция не сообщала о личности утопленника до получения анализов ДНК. По-иному распознать этого человека не представлялось возможным, так как его лицо было сильно изуродовано, по предположению полиции, ударом о прибрежные скалы.

Но не тут-то было. Сумасшедший день, видимо, не планировал заканчиваться. Вдруг где-то на яхте послышалась активная возня, затем последовал разговор на явно повышенных тонах, при этом все ближе и ближе звучал голос шефа полиции. И вот, наконец, он самолично предстал перед ужинающими хозяевами и их гостями. Шефу составлял компанию странного вида субъект, видимо, его помощник, судя по тому, как он скромно держался слегка позади своего начальника. Хотя он мог бы спрятаться и за толпой людей, и при этом его все равно было бы видно, – такого высокого он был роста. Шеф полиции начал с того, что извинился:

– Господа, сожалею, что отрываю вас от ужина, – взволнованно тараторил он по-английски с типичным французским акцентом. – Мы уже и так успели всем вам надоест за сего-

дняшний день. Разрешите представить, это мой помощник, комиссар полиции Жан Жак Дэвре, – и он, не оборачиваясь, собрался продолжать говорить, как тут месье Дэвре втиснулся с комментарием:

– Мы действительно сожалеем, и ничего такого не имеем в виду, просто обстоятельства, это просто обстоятельства вынуждают нас... – он так эмоционально жестикулировал, подыскивая нужные английские слова, что становилось страшно за жизнь стоявшего рядом шефа полиции. А молодое лицо комиссара с огромным носом успело покраснеть и обратно побледнеть, пока он пытался закончить эту красноречивую фразу.

– Мы поняли, что ты хотел сказать, Жан, спасибо, – полуобернувшись, сказал шеф своему помощнику, своей второй голове, возвышавшейся над его первой. – Господа, мне приходится сообщить вам печальную новость. Человек, увиденный вами сегодня за бортом вашей яхты, – это хороший ваш знакомый. Его имя Эрик Оффенгеймер. Это не только ваш друг, месье Амелресов, но и близкий партнер по бизнесу. Как я понимаю, вы являлись совладельцами алмазного рудника близ российского города Архангельск. Это так?

По мрачному и обескураженному лицу Амелресова можно было понять, что неожиданное известие о смерти друга и партнера поразило его в самое сердце.

– Этого не может быть, – видно было, насколько Вадим убит новостью, – Простите за бестактность, – медленно про-

говорил он, – но Вы уверены в том, что это именно он? Может быть, это ошибка? Такое почти невероятное совпадение? Вы знаете, как он погиб, при каких обстоятельствах, Вам точно известно, что это Эрик?

– К сожалению, на данный момент вся информация по делу Оффенгеймера носит конфиденциальный характер. Все-таки, как-никак человек мирового масштаба, – шеф полиции многозначительно посопел. – Могу Вам только лишь сказать, что это предполагаемый случай самоубийства. Поистине трагично, когда уходят, можно сказать, полные жизни люди, месье Оффенгеймеру было всего шестьдесят шесть лет от роду. Мы уже опросили людей, живущих в тех местах, где располагается его вилла на берегу моря. В тот вечер многие его видели. И ошибка здесь маловероятна.

Действительно, ошибиться и не узнать Эрика Оффенгеймера было просто невозможно. Он был знаменит на Ривьере тем, что вот уже несколько последних лет подряд проводил лето на юге Франции, в самых тусовочных местах, например, Сан-Тропе. Он обожал приходить далеко за полночь в один из самых раскрученных клубов, в парике из длинных белых волос, с голым торсом и в каком-нибудь сумасшедшем одеянии вроде мини юбки, расшитой люрексом. Многие решили, что он не в себе, но опровержением тому была его абсолютно адекватная бизнес-деятельность.

– Многие бы, наверное, могли счесть, что месье Оффенгеймер, простите мне мою прямолинейность, сошел с ума

и поэтому покончил жизнь самоубийством, – продолжил начальник полиции. – Но это очень слабая версия. Потому что его активная деятельность по спасению своих капиталов говорит только о кристально чистом, не замутненном возрастном сознании этого человека и о стопроцентной его адекватности. Все же остальные его проявления можно объяснить экстравагантностью и демонстрацией полного безразличия к общественному мнению. И это при том, что, насколько мне известно, он не был ничем болен или замешан в каких-либо опасных нелегальных делах, ничего такого про него общественность не знает. Накануне случившейся трагедии, ближе к ночи, начало штормить, именно поэтому, как мы полагаем, его тело было отнесено течением так далеко от берега. Многие случайные очевидцы накануне ночью видели его выходящим из клуба и направлявшимся к своей машине. Куда он поехал, никто не может сказать. Версия о том, что ему «помогли» утонуть, пока не рассматривается.

– Этого не может быть. Здесь что-то не так... – Примерно с минуту Вадим просто молчал, из-за чего напряжение в воздухе выросло до предела. Можно было представить, какие мысли посетили его за эти короткие секунды. После этого он, видимо, пришел к выводу, что этими мыслями он без ущерба для дела сможет поделиться с шефом полиции завтра. – Прошу Вас, господин Эргин, моя семья и мои друзья, мы уже натерпелись за сегодня, – достаточно холодно произнес он. – Я должен пережить то, что услышал. Очень прошу

Вас сию же минуту покинуть яхту и впредь без разрешения не врываться к нам. Со всем к Вам уважением.

Шеф полиции все понял. Лучше было не возражать. Он только коротко сказал:

– Полностью понимаю Вас и приношу свои извинения. Я подумал, лучше Вы это узнаете от нас, чем из завтрашних новостей, приправленных пустыми домыслами и сплетнями. Мы удаляемся. Но я прошу Вас соблюсти порядок и до выяснения всех обстоятельств не покидать прибрежных вод Канн. Я высоко ценю Вашу помощь и содействие расследованию. Засим – откланиваемся.

Шеф и его ассистент с грустным удлинённым усатым лицом удалились.

– Но, папа, почему бы дяде Эрику убивать себя? – обескураженно спросила Эмма. Она чувствовала, как теряет почву под ногами. Сначала ее непонятное заболевание, вставшее на пути между ее мечтой о реализации своего бизнес проекта и ей самой. Теперь полюбившийся всем в семье дядя Эрик, так поддерживавший ее смелые предпринимательские начинания, ушел, навсегда ушел из жизни и унес с собой ее мечты. Жизнь поворачивалась к ней своей нелюбезной стороной.

– Не знаю, доча, пока не могу предположить ничего правдоподобного. Это совершенно не в его характере – отступить перед какими-бы то ни было проблемами.

– И все равно, все в жизни поправимо! – не унималась

Эмма. – Нельзя же ставить крест на всем, вот так сразу. Вот здоровье – это может быть непоправимо, – и тень глубокого отчаяния пробежала по лицу Эммы.

– Не все поправимо, Эмма, это правда, важно все успеть сделать в свое время. Потом может быть уже поздно что-либо менять в жизни. Что касается тебя, ничего не вбивай себе в голову, у тебя со здоровьем все нормально, это все на нервной почве. Ты отдохнешь, развеешься и пойдешь на поправку, поняла?

Эмма казалась раздавленной.

На секунду воцарилась тишина, под прикрытием которой каждый на мгновение невольно погрузился в мысли о том, все ли он успел или успеет сделать в жизни вовремя. И каждый внутренне поблагодарил Эмму, которая была единственная, кто отважился нарушить эту тишину. Она сказала:

– Если бы меня спросили, какого цвета смерть, я бы ответила – красного, нет, алого, – и она встала из-за стола.

Несколько в отдалении от всех, Дэн, стоявший у перил палубы, спиной к столу, вглядывался в разноцветные танцующие огни береговой линии. Что это за гавань такая, думалось Дэну, куда я будто бы вхожу на всех парусах? Где-то в Гане обессилившие от голода дети обеими руками цепляются за жизнь, а здесь, в центре Европы, в колыбели вековой мудрости, в цитадели экономического разума, человек, достигший процветания и достатка, собственноручно вернул Все-

ленной ее бесценный подарок, жизнь, плюнув ей при этом в лицо. А может быть, это всего лишь демагогичные рассуждения? Ох, да ты послушай себя, приятель: Гана, дети, цепляются за жизнь, плевков в лицо Вселенной... набор штампов и банальностей. Псевдоинтеллектуальное словоблудие. Да что я об этом знаю? Тьфу, да и только! Может, у меня просто не хватает фактов о жизни Эрика, чтобы его действительно понять... Может, у него был рак, о котором никто еще пока не знал, а вскрытие покажет... Что я вообще знаю о руководящих людьми мотивах, о скрытых подводных поведенческих течениях? А еще собрался служить во внешней разведке. На ферму мне, на ферму нужно податься, вот что, в деревню, к коровам и свиньям, подальше от людей. А если бы я туда прыгнул, в эту лазурную воду, прямо в объятия разлагающегося тела Эрика... Боже, какие дурацкие мысли приходят в голову, надо серьезнее быть, тут же трагедия жизни...

Дэн внутренне содрогнулся от мысли об объятиях Эрика, дышащих безобразием смерти.

Шелест платья, пара медленных шагов, и Эмма нарушила одиночество Дэна:

– Ну что? Уже пришел к выводу, что ты виноват в его смерти? Ты ведь всегда все воспринимаешь так лично, хочешь спасти мир, как Уилл Смит... – Эмма говорила ровно, немного надменно, но при этом с оттенком уважительно-го непонимания и, как следствие, беспомощного и грустного

подтрунивания.

– В свою очередь, надеюсь, что ты не станешь волноваться больше, чем уже сейчас волнуешься? Тебе это запрещено, – ответил Дэн тоном заботливого старшего брата. Он знал Эмму с детства, они играли в одной песочнице, а потом вместе учились в МГИМО, правда Эмма была на два курса младше Дэна. Дэн закончил в этом году факультет международных отношений, продолжая семейную традицию. Его родители были дипломатами, последним местом службы отца была Турция, где он работал послом. А Эмма училась на факультете международной экономики, и при этом мечтала стать знаменитым модным дизайнером.

– Дэн, я уничтожена, разбита, я не знаю, что делать, – она заплакала.

– Ох, Эмма, Эмма, ну хоть на секунду забудь о себе! С легким сердцем пожалей дядю Эрика. Он хотел тебе помочь. Он тебе помог. Его пожелание будет исполнено, вот увидишь. Твой проект будет жить. А вот дядя Эрик – нет.

– Эгоист! Почему он это сделал? – в ее голосе слышалась беспомощная ярость. – Я, конечно, могу забыть о себе. Но разве живые не важнее мертвых? – И в этом была вся Эмма: иногда на ее высказывания, ёмкие, далеко идущие, нечего было возразить.

Глава 1. Самое изысканное общество

Несмотря на вчерашние события и оттенок ужаса от нелепости произошедшего, утреннее солнце осветило судно так ярко, что глазам было больно, что было довольно странно для второй недели октября. На палубу раньше всех, по обыкновению, вышла гостья семьи Амелресовых Милана, молодая преподавательница, еще студентка, обучавшая Эмму всем тонкостям языка Туманного Альбиона. Эмма увлекалась модой, прошла обучение на краткосрочных курсах в престижном итальянском институте Монтанари, посвященных введению в изучение дизайнерского искусства. Она мечтала после окончания экономического факультета МГИМО поступить в Монтанари на полный курс обучения, и экзамен по английскому языку был чуть ли не самым важным предметом в списке. В период обучения на курсах Эмма поняла, как же сильно ей не хватает знаний языка не только для учебы, но и для общения, для того, чтобы делиться идеями и впечатлениями с такими же юными и вдохновленными модой людьми, как и она сама.

Милана и Эмма со временем очень подружились. Эмма испытывала неподдельное уважение к Милане за ее глубокие познания в английском, французском и итальянском языках и тот факт, что процесс изучения с трудом дававшего Эмме иностранного языка протекал не сложно и скуч-

но, а скорее, интересно и увлекательно. На занятиях девушки обсуждали темы, далеко выходящие за рамки академических и аудиторных вопросов. Все их интересовало: и горячие мировые новости, и события в мире искусства и культуры, и устремления и чаяния каждой из них, переживания по поводу молодых людей, учебы и так до бесконечности. Милана же испытывала симпатию к Эмме, которая показалась ей поначалу избалованной богачкой, но потом в ней раскрылась крайне целеустремленная личность.

Эмма необыкновенно трезво для своих лет смотрела на мир. Понимая, сколько изначально ей дано благ, какой у нее исключительно высокий старт, она никогда не воспринимала это как данность, а наоборот, ценила это и видела выпавшую на ее долю огромную ответственность. Прежде всего ей хотелось самостоятельно встать на ноги, без помощи отца, доказать, что она достаточно умна и талантлива сама по себе. С этим были связаны и ее мысли об отношении с противоположным полом. В силу своего происхождения она постоянно общалась с такой же, как она сама, «золотой молодежью». Любые поползновения богатеньких Денди она пресекала на корню. Ей не нравилась бьющая через край самоуверенность ничем не доказавших свою состоятельность молокососов. А что касается прочих молодых людей, из другой социальной прослойки, – то тут тоже было не все просто. Часть из них заведомо панически боялись приближаться к красивой и состоятельной Эмме. Часть же преодолевали

свой страх из любви к деньгам, видя в Эмме шанс повыситься за ее счет свой социальный статус. Таких попадалась масса. Поэтому Эмма часто говорила Милане, что она заранее настроилась на то, что проведет жизнь в одиночестве. Однако все изменилось с появлением «рыцаря» – нынешнего супруга молодой Эммы. У врачей только и была, что одна палочка-выручалочка: недавняя свадьба Эммы и ее Рыцаря, на счет которой все премудрые целители списывали нынешнее состояние молодой жены. Якобы, волнение и эмоции совершенно подкосили девушку.

Итак, Милану пригласили провести время в путешествии по Европе и не забывать при этом заниматься английским с Эммой. Это, по мнению самой Эммы, да и всей ее семьи, должно было поправить моральный дух больной и отвлекать ее от мыслей о своем плохом самочувствии. В последний месяц здоровье играло с этой красивой молодой особой совсем не веселые, а очень даже злые шутки, заставляя всех серьезно опасаться за физическое и моральное благополучие девушки. В поездку даже пригласили лечащего врача Эммы для постоянного лечения больной и наблюдения за развитием таинственного заболевания, которое представлялось пока что совершенно непредсказуемым.

Затея позвать Милану в путешествие вызвала самую положительную реакцию у всех, даже у жены Вадима Федоровича Марии Амелресовой. Ведь Милана не представляла для нее никакой опасности: она обладала той внешностью, кото-

рая вряд ли могла привлечь мужчину с развитым эстетическим восприятием, каковым обладал Вадим Амелресов. Милана была жива и умна, остра на язык, и все в ее присутствии развлекались благодаря ее спонтанному чувству юмора. Интересно отметить, что мужчины ее ценили за ум и чувство юмора, а женщины – за ум, чувство юмора и... за то, что она не представляла для них никакой конкуренции. Невысокого роста, полная, с короткими каштановыми волосами, с голосом, напоминавшим неоперившегося юнца, она знала, как вызвать у окружающих пароксизмы смеха, но не знала, что такое внимание мужчины. Но милые дамы обманывались. Как говорится, не стоит недооценивать своего врага. Совершенно определенно, красивой Милану назвать было нельзя. Но для внимательного собеседника, способного на непредвзятое заинтересованное восприятие человеческого индивидуума, спустя некоторое время становилось очевидно, что Милана обладала тем редким типом завуалированной женственности, который соответствует высокому уровню интеллекта. Глаза девушки редко застывали на месте, выбрав для себя одно-единственное выражение. Они напоминали хамелеона. Только меняли они не свой цвет, а своё выражение, в зависимости от всего того широкого спектра информации, которую считывал за доли секунды её мозг. Когда же девушка смотрела на собеседника, то часто улыбалась именно глазами. Иногда трудно было определить, была ли это улыбка сарказма, или восхищения, или удивления, или заинтересо-

ванности, или просто удовольствия от общения. Всё скрывала в себе эта улыбка. Если мужчина открывал для себя это измерение личности Миланы, то он больше не замечал её невысокого роста, лёгкая полнота словно по волшебству создавала образ женственности, голос почти что мальчика подчеркивал неповторимость её природы и раскрывал её человеческую теплоту.

Милана была интеллигентна, с достаточной легкостью могла вести разговор на любую тему, она была тактична, и за год ее занятий с Эммой к ней успели привыкнуть в доме Амелресовых все, включая самого Вадима. Он нередко приглашал Милану разделить с его семьей ужин, потому что видел, что девушка оказывала положительное влияние на его дочь. Его отцовское сердце радовалось, когда он видел в ухоженных ручках Эммы томик «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте или какую-нибудь пьесу Оскара Уайльда в оригинале. И теперь Милана занимала уютную каюту на роскошной яхте, рассекавшей воды Средиземного моря. Она не могла поверить своему счастью, омраченному, конечно, состоянием здоровья ее ученицы. Тем не менее, она старалась наслаждаться каждой минутой этого путешествия, общения с интересными людьми, и особый интерес у нее невольно вызывал Енисеев-младший, с которым ей удалось повстречаться и познакомиться чуть ближе на свадьбе Эммы и который как раз в этот момент входил на палубу с ай-падом в руках.

– Не поверите, Милана, что пишут в новостях, – это под-

черкнутое обращение на «Вы» раздражало Милану, но она догадывалась, что при всей демократичности взглядов представители молодого поколения обоих элитарных семейств смотрели на девушку сверху вниз и не намеревались полностью стереть социальные барьеры, априори существовавшие между ними. Все это выражалось в учтивом холодноватом «Вы», которое оставляло Милану в одном социальном бассейне, а всех отдохавших на яхте, – в другом, несмотря на то, что плыли они все по одним и тем же средиземноморским водам. – Все заголовки про дядю Эрика. Дело в том, что у него был дневник. Мы, конечно, слышали об этом. Хотя я только смутно помню, что видел его не раз с какой-то тетрадкой в руках. Но в то время я и не придавал этому никакого значения. Послушайте, что пишут. «Полиция города Канны испытала неслыханное облегчение, когда обнаружилось, что столь скоропостижно ушедший из жизни Эрик Оффенгеймер, известный миллиардер, внук величайшего алмазного магната Алана Оффенгеймера, вел дневник. Дело за малым, уверенно заявляет шеф полиции месье Эргин: прочитать записи в его таинственной тетради. Теперь завеса тайны, покрывающая истинные мотивы самоубийства, падет. Кроме того, отмечает месье Эргин, никто еще не засвидетельствовал и не запротоколировал факт самоубийства. Это еще под вопросом»...ого... погодите-ка. Здесь говорится, что дневник не был найден. «Однако, как показывают многочисленные свидетели, господина Оффенгеймера не раз видели в об-

щественных местах, на встречах с друзьями и у него дома за написанием толстой тетради в красном кожаном переплете. Он сам говорил друзьям, что это его дневник. Но, обыскав весь его дом, подвал и чердак, полиция так и не смогла найти эту тетрадь». Интересно...

– Вас так заинтриговало это дело, Дэн. Может, вам стоит поискать дневник на дне морском? – при всей симпатии к этому обаятельному черноволосому юноше, чистому, опрятному, модному и начитанному, Милана не могла поддерживать разговор с такой же степенью серьезности и увлеченности, как и он. Ей мешал ее природный скептицизм.

– А что, это идея. Не исключено, что дядя Эрик взял дневник с собой, как бы это сказать, в последний путь. Тьфу, опять этот сарказм, простите. Это здесь неуместно, тут же трагедия...

– Не переживайте так, Дэн. Ваш сарказм, – а это, кстати, скорее ирония, нежели сарказм, – вполне уместен. Это трагедия, безусловно. Но она отличается от множества других миллионов и миллиардов трагедий, случающихся ежедневно и ежечасно, лишь тем, что стала достоянием общественности. В остальном – это лишь еще одна иллюстрация абсурдности жизни. А вот это уже вполне достойно Вашей, и чьей угодно, иронии, и даже сарказма.

– Это Вас в вашем лингвистическом университете научили так... рассуждать? Значит, Вы иронично относитесь к жизни?

– И да, и нет, – в этот момент Милана подумала, что сейчас разыгрывается какая-то сцена из давно прочитанной ей пьесы. – Разве не заслуживает иронии тот факт, что все, включая Вас, заинтересовались мертвым Оффенгеймером и его таинственным дневником гораздо больше, чем просто самим Оффенгеймером, когда он был жив?

«Что же это, она пытается меня учить? – подумалось почему-то Дэну, – И вся эта ее безразлично-расслабленная поза... Зачем она пытается меня обмануть? Ей же неудобно в моем обществе, но почему мне не удастся найти к ней подход. Я почувствовал это неудобство еще тогда, за тем ужином в Москве перед презентацией проекта Эммы, несмотря на то, что нам было... как бы это сказать... интересно, нет, не то, приятно? Да нет, о чем это я...»

– Да, так вот... – Дэн насильно вытащил себя обратно в плоскость разговора, прежде чем погрязнуть в болоте психоаналитических выкладок, бомбардировавших его мозг, как водится, в фоновом режиме нон-стоп. – Интересно было бы узнать, опускался ли кто-то за дневником под воду, прочесали ли уже морские окрестности вдоль и поперек? В это с трудом можно поверить, но на пропавший дневник уже развернули охоту, и по Интернету гуляют предложения купить его у счастливчика, который это сокровище найдет. Даже уже назначают цену, делят шкуру, так сказать, еще не убитого медведя.

– Вот уж его душа смеется над нами, – Милана картин-

но уставилась вдаль, сверкающую бликами солнца на воде. – Может, Оффенгеймер вообще специально нас водит за нос, но только уже с небес?

– Или с морского дна, – добавил Дэн.

«Может, поделиться с ней мыслью, мучавшей меня всю ночь, подумал Дэн, или она подумает, что у меня паранойя, или что я начитался шпионских романов, и тогда посмеется надо мной? А кому здесь еще рассказывать... Дочке Абельмана? Эмме, которая поглощена своей болезнью? Мишелю, бельгийскому мальчику русского происхождения, который ничего не смыслит в жизни? Почему все было так легко и просто за тем ужином в Москве? Почему сейчас она такая замкнутая? Что изменилось? А, ладно... скажу»

– Милана, – Дэном почему-то охватило внезапное волнение. Ну конечно, ему было все равно, что Милана о нем подумает!

– Да, Дэн, что? – Девушка ожидала продолжения, в течение нескольких секунд безрезультатно. Она уставилась на Дэна с выражением покорной готовности выслушать любую глупость с неизменно умным лицом. Если бы не эти интеллигентские очки и не эти густые волнистые волосы до плеч, то ничего в нем особенного и не было бы, уверяла себя Милана.

– Вы знаете, Милана, мне пришла в голову бредовая мысль, я подумал, что могу с Вами ее обсудить.

– Я польщена, Дэн, – выражение лица не изменилось. По-

явилась лишь тень обреченности: значит, глупость все-таки. – Вы считаете меня достойной обсуждения бредовых мыслей? Это почетно. Обсуждайте. Что же Вам пришло в голову? – Черт побери, это «Вы», говорим, как в старомодном романе каком-то, подумалось Милане.

– Меня сегодня ночью осенило...

– Когда осеняет – это, бесспорно, важно, – прервала его Милана.

– Прекратите издеваться, – улыбнулся Дэн. – Так вот: меня осенило, что... что Эрик... в общем, он никакого самоубийства не совершал. – Эффектная пауза.

– А что же он совершал, если не самоубийство? – кротко поинтересовалась Милана.

– Я думаю, что его могли убить из-за его дневника.

– О Боже! Как это интересно! – на палубу неторопливо вошли брат и сестра Абельманы, дети господина Абельмана.

Дочь Абельмана Юлия была подобна утренней розе, прелестный цветок, выросший на благодатной израильско-американской почве. Сын являл собой классический образец отпрыска из интеллектуальной еврейской семьи, с ярким румянцем на пухлых щеках и черными как смоль кудрявыми волосами. Их отец Ян Абельман был двоюродным братом Марии Амелресовой, жены владельца яхты Вадима. Ян имел огромный завод по добыче огнеупорных руд в России, его основное подразделение располагалось на Урале, а филиал – в Европе и Израиле. Долгое время проведя в Израиле.

ле и США, Ян последние пять лет жил и работал в Москве. Абельман и Амелресов очень быстро поладили. Еще в период, когда Вадим ухаживал за Марией, Ян избрал его своим любимчиком среди всех ухажёров своей кухни, и всячески объяснял ей, какое Вадим сокровище. Ян был довольно корпулентным представительным мужчиной. Он гордился своими детьми, своей работой и своей тщательно отращиваемой белой бородой. Он часто любил называть себя «простым шахтером», хотя обладал таким количеством денег, таким изощренным умом знатока жизни и таким язвительным чувством юмора, что «простым» его можно было назвать ну только лишь в последнюю очередь. Его дети, сын Илья от первого брака, двадцати трех лет от роду, и дочь Юлия от второго брака, – семнадцатилетняя своенравная натура, наслаждались жизнью настолько, насколько позволяла их изобретательность, а изобретательности надо было иметь очень много, чтобы придумать, на что и как потратить деньги, с трудом заработанные папой. И вот они неторопливо поднялись на палубу, услышали последние слова Дэна и не на шутку расшумелись, обсуждая, что же такое таинственное мог скрывать дневник старого бриллиантового «тайкуна».

Дэн выглядел немного раздосадованным. Он хотел сохранить свою догадку при себе, ну разве что с Миланой можно было поделиться. Однако тут он начал размышлять, а почему он из всех присутствующих на яхте людей выбрал имен-

но Милану, которой открыто рассказал о своих размышлениях. На секунду он подумал, а почему он не выбрал, например, Мишеля, сына бельгийского ученого, также гостившего на яхте вместе со своим отцом, в доверенные лица. Почему Милана? Станным образом, Дэну казалось, что в Милане где-то ютилась страсть к приключениям. Тем не менее.. Очаровательный юный Мишель, а по-простому Миша, казалось, не меньше заслуживал доверия Дэна. Он был усыновлен бельгийским ученым и взят из приюта для сирот в Российском городе Липецке. Он совершенно не походил на бельгийца. Его соломенного цвета волосы было видно за километр, правильные славянские черты лица притягивали взгляды девушек, атлетическое тело дополняло образ киномерзавца. И действительно, Мишель учился в театральном училище, мечтал стать известным актером, прекрасно говорил по-французски, по-английски, и ни капельки по-русски. Но при всем при этом он сохранил удивительную для своих лет стеснительность, ко всем обращался с предельной вежливостью, движения его были неуверенны и скованны. Поэтому девушки над ним всегда подшучивали. А здесь на яхте он подвергся особенно мощному шквалу шуток, поддразниваний и подкалываний со стороны юной красотки Абельман. Но почему же не Мишель узнал первым о догадках Дэна? Пока что, не имея четкого ответа на заданный себе же вопрос, Дэн просто отмахнулся от него и убрал в дальний уголок сознания.

Наконец все гости проснулись, и утро закружилось и за-вертелось всей своей яркостью и неопределенностью. Пока было неясно, как сложится новый день. Продолжить путеше-ствие яркая группа изысканных гостей не могла. У всех на лице был один-единственный вопрос: что мы тут будем делать целый день? Пожалуй, еще был и второй: а может, и дольше?

На основной палубе, где был накрыт обильный завтрак, собрались уже практически все. Мама Дэна, яркая женщина лет пятидесяти, умудрявшаяся всегда выглядеть ухоженно и стильно, никогда не расставалась с ампула светской боги-ни, отшлифованном на многочисленных дипломатических раутах, вечерах, обедах и прочих мероприятиях, равнознач-ных потере драгоценного жизненного времени. И сейчас она также сидела в центре широкой белоснежной кушетки, эле-гантно откинувшись на спинку. Она предпочитала окружать себя внимательно слушающими ее мужчинами. В данный момент это был бельгийский ученый Томас вместе с жизне-радостным Абельманом. Речь зашла о недавнем открытии ученых-диетологов – так называемой диете «Paleo». С неве-роятным артистизмом и важностью, от которой у слушате-лей создавалось ощущение, что важнее этой темы не может быть абсолютно ничего, Нина Алексеевна рассказывала:

– ...and they say it is the way how the ancient hunter-gatherers used to eat, somehow it is related to our genetics, – потом она забавно расширяла глаза, приглашая всех изумиться вместе

с ней и продолжить тему, вспоминая, кто какие диеты знает, пробовал, экспериментировал, и какого в этих экспериментах они достигли результата. Со временем, когда Вы привыкали к ее манере, Вы понимали, что она, прежде всего, забавляла и развлекала себя саму, делала это искренне и с удовольствием, и именно это качество, а скорее даже талант, сплачивало вокруг этой женщины самое разносольное общество. Энергия ее была заразительна, в ее присутствии всё казалось интереснее, живее, ярче. А ее собеседники всегда чувствовали, какие они талантливые и неординарные люди, потому что в каждом человеке Нина Алексеевна умела найти и подчеркнуть его неповторимые достоинства.

– Вы знаете, – продолжил на английском языке Абельман, – когда вы живете в сельской местности, как я когда-то, ибо мои родственники родом из деревни на Урале, – кратко пояснил он, – среди гор, озер и лесов, то вам не нужна никакая специальная диета. Просто потому что вы едите правильную здоровую пищу. Вот, например, болезненный вопрос: мясо. Где сейчас можно найти съедобное мясо, полезное, а не вредное?

– Да, да, это верно, огромная проблема, – слышались вторящие голоса слушающих.

– Вот именно. Нигде. Однако я пристрастился к охоте в последнее время. И представляете, в лесах средней полосы России, как выяснилось, в больших количествах водится кабан. О боже! Лучшего мяса я давно не пробовал – оно легкое,

нежирное, полезное. Кабан питается исключительно экологически чистой травкой в лесу. Короче говоря, всех приглашаю поохотиться со мной на кабана, – и он заразительно засмеялся, – можем даже зажарить целого кабана на вертеле. Я тут не так давно убил животное, его туша весила под триста килограмм. Его пришлось вытаскивать краном!

– Я бы с большим удовольствием поучаствовал в охоте, – улыбнулся Амелресов, пытавшийся наравне с остальными поддерживать непринужденную беседу, однако давалось это ему с трудом. Уж больно неожиданно его ранила и опечалила новость о смерти друга и партнера. Особенно учитывая то, какую информацию дядя Эрик сообщил Амелресову накануне своей смерти. Слова друга о том, что Вадиму надо быть предельно осторожным и не дать свою семью в обиду, врезались в его память. Однако он предпочитал временно просто отмахиваться от этих воспоминаний, так как сказанное Эриком казалось Вадиму крайне маловероятным.

И вот таким ненавязчивым образом искусная светская богиня Нина Алексеевна закрутила беседу, которая вылилась в страстное обсуждение процесса охоты и всех связанных с этим прелестей.

В это же самое время в более прохладной гостиной разместились Милана и Эмма. Бледная и немного печальная Эмма смотрела на взволнованную и краснеющую Милану. Румянец явно был ей к лицу.

– Милана, я не переживу этого. Почему дядя Эрик оста-

вил меня именно сейчас?

– Эммочка, дорогая, все образуется, справедливость восторжествует, деньги дяди Эрика поступят на твой счет. Лала же не изверг и не преступница. Она все сделает так, как завещал дядя Эрик. Все будет хорошо.

– Ладно, поговорим о другом. Не могу больше нервничать. Надо отвлечься. Скажи-ка, о чем вы так увлеченно говорили с моим, можно сказать, братом перед завтраком? – Эмма делала огромное усилие, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

– Абсолютно ни о чем неожиданном – о смерти дяди Эрика. И все.

– И все? Совсем ничего больше? Ничего... личного?

– Какое еще личное, откуда личное? – страшно возмутилась Милана.

– Милана, ради Бога, неужели ты не видишь, как тобой интересуется Дэн?

– Пожалуйста, Эмма. При данных обстоятельствах даже неудобно об этом говорить. Это полная ерунда.

– Об этом всегда удобно говорить. При любых обстоятельствах. Жизнь течет быстро. И ничего и никого не ждет.

– Мы просто неплохо общаемся, он очень помог с презентацией твоего проекта, чем вызвал мое уважение, он беспокоится о тебе и о твоём настроении и здоровье, но не более того.

– Это просто потому, что ты плохо знаешь Дэна. А я его

очень хорошо знаю. Он еще сам не отдает себе отчета в том, как ты ему интересна. У него все это происходит с некоторым запозданием. Осознание, в смысле.

– Эмма, умоляю тебя, с моей внешностью, ну кому я могу понравиться? Какому здравомыслящему мужчине? Кроме того, это настолько бредовая идея, мы люди совершенно разного круга.

– Вот именно, здравомыслящему человеку ты как раз бы и понравилась.

– И потом, я с такой же легкостью могла бы предположить, что он души в тебе не чаёт, и изнывает от неразделенной любви к тебе, и совершенно потерял надежду после того, как ты вышла замуж.

Даже несмотря на свою слабость, Эмма нашла в себе силы рассмеяться.

– Спасибо, Мила, рассмешила. Ты что, мы всю жизнь наблюдаем друг за другом с Дэном. Между нами никогда не было даже маленькой увлеченности. Ну, может, самую малость, и быстро прошло. Я же тебе говорю, мы с ним, как брат и сестра.

– Я знаю, что такого не бывает между мужчиной и женщиной. И не стоит меня переубеждать в обратном. Так что я остаюсь при своем мнении.

– Хорошо, посмотрим, ты увидишь, – согласилась Эмма и откинула голову на подушки.

День прошел на удивление быстро. Молодежь развлека-

лась катанием на водных мотоциклах, ребята с криками и смехом прыгали в воду со второго этажа яхты. Никто и не думал купаться, так как вода была уже ощутимо прохладной. Но отказать себе в удовольствии прыгнуть с заманчивой высоты ребята не могли. Дэн, Мишель и Илья развлекались тем, что после прыжка, замерзшие и продрогшие в воде, они прибегали обратно на палубу и ждали, пока кто-нибудь из девочек, Юлия или Милана, не накинет им на плечи огромное полотенце и не предложит чашку горячего чая с медом. Эмма, закутавшись в плед, сидела на кушетке и наблюдала за этим увлекательным процессом.

Вдруг Дэн обратился к Милане:

– Милана, а Вы что же не прыгаете? Боитесь, наверное?

– Чего же тут страшного? Подумаешь, с высоты четырех метров прыгнуть в холодную воду, – пыталась отшутиться Милана, которая на самом деле больше всего в жизни боялась двух вещей: воды и высоты.

– Значит, ничего страшного, – неумолимо добивался своего Дэн, с улыбкой наблюдая за реакцией девушки.

«Не понимаю, что я ему далась, со скуки что ли не знает, чем заняться, ну пусть бы попросил Юлечку Абельман прыгнуть», чертыхалась про себя Милана. Тут вмешалась Эмма:

– Дэн, оставь бедную Милу в покое, что ты к ней привязался? Она и так плохо переносит воду и едва согласилась поехать с нами кататься на яхте.

И уже совсем тихо она сказала Милане:

– Ну, что я тебе говорила?

Милана ответила непонимающим взглядом.

Что ж, подумала она, Денди хочет развлечься, мы ему поможем в этом.

– Дэн, я готова поспорить, что прыгну.

– Мила, прекрати, – Эмме было уже не смешно, – еще схватишь простуду, что тогда мы будем с тобой делать? Так и проваляешься с температурой всю поездку. Лазарет на яхте устроим. Пошутили и хватит.

Милана не обращала на слова Эммы никакого внимания. Она продолжала смотреть прямо на Дэна:

– Я прыгну, Дэн, только Вы должны пообещать, что в этом случае кое-то сделаете для меня.

Допив свой чай, Дэн медленно проговорил:

– Я слушаю внимательнейшим образом, – и тепло улыбнулся Милане.

К этому времени все заинтересовались происходящим. Юля Абельман раздраженно следила за развитием событий, не понимая, почему Дэн пристал с вопросами именно к Милане.

– Хорошо, ты приготовишь девочкам какой-нибудь сюрприз.

– Слышали, ребят, – весело обратился Дэн к Мишелю и Илье, – нам придётся поломать голову! – и все дружно рассмеялись, – ну а теперь, мадмуазель Милана, в воду!

Милана одарила Дэна последним тяжелым и суровым

взглядом и встала на то место, откуда все совершали прыжки. Сердце её ушло в пятки. Оказалось, что вода была гораздо дальше внизу, чем ей казалось раньше. Деваться было некуда, нужно было проучить этого самонадеянного Денди, чтобы впредь он подумал дважды, прежде чем шутить над ней или поддевать её каким-либо образом. Девушка зажмурилась и с визгом спрыгнула вниз.

Ледяная вода словно иголками насквозь пронзила всё тело Миланы в одно мгновение. Сначала она опустилась глубоко под воду, а потом одним толчком выплыла на поверхность и жадно стала хватать ртом воздух.

– И что это за выскочка такая, эта Милана, – возмущалась Юля, подсевшая к Эмме на кушетку, – почему она все время тусуется с нами? И ещё Дэн с ней постоянно шушукается о чём-то, и Вадим Валерьевич приглашает её сесть ближе к нему за завтраком. Тоже мне, VIP. Вот и занималась бы с тобой английским, раз вы за этим её позвали, а так вообще не понятно, что она о себе возомнила.

– Дорогая кузина, – холодно ответила Эмма, – Милана не просто мой преподаватель английского, она мой друг. Прошу больше так о ней не говорить.

– Что не говорить, что я такого сказала?! Я всего лишь за порядок – рабочие лошадки вместе с рабочими лошадками, пусть знает свое место и к нам не пытается подмазаться, небось, она уже возомнила себе что-то на счет Дэна, вон как бросилась в воду ради него. Да он даже не посмотрит на та-

кую уродину.

– Так, – не выдержала Эмма, – замолчи сейчас же, – лицо её покраснело, и всё её тело стало заметно трясти, – не то я скажу папе, и он выкинет тебя за борт! – терпение девушки явно было на пределе.

– Не надо, не утруждайся, я сама прыгну, что я, в конце концов, хуже этой пигалицы?! – взвилась Юля и вскочила с дивана.

Пока она направлялась к ребятам, ей пришлось пронаблюдать, как Дэн подает полотенце Милане и укутывает её ноги, чтобы та быстрее согрелась.

Завидев Юлю, Мишель стал суетиться вокруг нее, а Илья тем временем задумчиво наблюдал за Дэном и Миланой.

– Я не думал, что Вы решитесь, – тихо говорил Дэн, накрывая Милану уже вторым полотенцем. У девушки зуб на зуб не попадал, – вот, выпейте горячего чаю, – и Дэн протянул ей ароматную чашку с дымящимся напитком.

– Начинайте ломать голову над сюрпризом, – только и ответила Милана, едва заметно улыбнувшись Дэну. Сделав пару глотков чая, она удалилась в свою каюту, чтобы высушить волосы и потеплее одеться.

В это самое время Амелресов и Абельман, а также Енисеев вместе с бельгийским ученым отправились на рыбалку на шлюпке. А ближе к вечеру Абельман устроил мастер-класс для ребят по приготовлению свежей рыбы. Мария Амелресова с Ниной Алексеевной отправились на шопинг

в Каннах и также не заметили, как прошло время. А к вечеру за столом на некоторое время воцарилась приглушенная тишина, так как над этой красивой и богатой яхтой каким-то неясным драматичным образом все же, как ни прискорбно, витал дух смерти бедного дяди Эрика.

После ужина наступил самый тяжелый этап дня для Миланы. Она так и не считала себя полноправным членом этой изысканной тусовки. Поэтому каждый вечер придумывала правдоподобный предлог для того, чтобы уйти спать пораньше. Или же улавливала подходящий момент, когда она никому не бросалась в глаза. Это было самым любимым ее средством избавления от мучительного высидивания после ужина с ребятами, а еще хуже, со всеми взрослыми, если складывалась такая ситуация. Сейчас почти что подвернулся такой удачный момент, когда она могла улизнуть в свою каюту никем не замеченной.

На палубе стало совсем темно. Только горел свет внутри гостиной, и большие фонарики со свечами на самой палубе. Мишель вежливо сидел возле кресла, в котором полулежала Эмма, завернувшись в плед, и развлекал ее фотографиями в iPad. Илья и Юлия Абельман с огромным интересом слушали Дэна, который зачитывал из Интернета новости про дневник дяди Эрика. Волна слухов о его дневнике шквалом охватила интернет-пространство. Стоимость этого документа, в случае его счастливого обнаружения, доходила до астрономических цифр. Одним из самых почетных участников

раздувания шумихи вокруг этой новости стал музей Гуггенхайма. Речь уже шла не только о последнем дневнике Эрика, который мог раскрыть тайну его смерти. Высказывались предположения, что существовало несколько томов, написанных рукой Оффенгеймера. То есть у писателей и публицистов, репортеров и историков, политиков и экономистов была потенциальная возможность ознакомиться с жизнеописанием выдающегося бриллиантового магната, вращавшегося в самых что ни на есть приближенных к власти кругах, обладавшего засекреченной информацией по множеству вопросов международной политики; талантливого бизнесмена и экономиста, яркого и нестандартно мыслящего человека, чья жизнь и откровенные мысли о событиях, ее наполнивших, могла бы стать отражением целой эпохи и породить немало международных скандалов.

Однако, в чем-то Эрик, отошедший в мир иной, был счастливее живых людей, пребывающих на нашей брэнной земле и поминутно сталкивающихся с суровой реальностью. Именно эта суровая реальность и раскрывалась сейчас во всей красе перед Миланой, которая нечаянно заметила, как густые волосы Юлии Абельман коснулись плеча Дэна, когда она наклонила голову к экрану его компьютера. Сердце Миланы не выдержало, и она не стала больше дожидаться, пока удачный для ретировки момент ускользнет, тихо поднялась и ушла с палубы.

Вдруг кто-то сзади ее негромко окликнул. Это был Дэн.

– Милана, куда это Вы собрались?

Милану как будто кто-то кольнул в легкие, отчего ей стало ощутимо трудно дышать.

– В свою каюту, – выпалила она. – В смысле, я пойду, пожалуй, спать. Я немного устала.

– Немного не считается, – весело заявил Дэн. – Пойдемте со мной. Зачем Вам скучать в своей каюте в полном одиночестве? Мы сейчас начинаем играть в карты.

– Спасибо, что зовете, Дэн. Правда, я не могу, я устала.

– Вы отдохнете за игрой. Пожалуйста, Вы не можете уйти. Вы почти что, можно сказать, стали членом нашей семьи. Вам будет весело, я обещаю. Идемте.

– Я...

– Я не принимаю отказов!

И Милана поплелась за Дэном обратно на палубу, не найдя больше аргументов для сопротивления.

Шел второй час ночи. Взрослые разошлись по каютам и видели уже десятый сон. Эмма также давно спала, выпив свои многочисленные лекарства под чутким руководством самого Амелресова.

В центре палубы стоял пуфик для ног, на нем была расстелена газета. Юлия сидела прямо на полу перед пуфом, скрестив ноги, и сворачивала какую-то непонятную сигарету. После того, как сигарета была приготовлена, ее зажгли и пустили по кругу. Мишель разливал девушкам вино. Разговор был совершенно ни о чем: в центре внимания был несчастный

Мишель, которого Юля пыталась научить общению с противоположным полом. Между тем продолжалась игра в карты. Юля и Илья весело смеялись, стараясь при этом не слишком шуметь, чтобы не разбудить взрослых. Брат и сестра выражались очень свободно и вели себя раскованно. Разговор происходил на английском языке.

– Мишель, передай мне плед, – скомандовала Юля.

Мишель послушно передал ей плед.

– Мишель, ты должен научиться быть настоящим мачо. Зачем ты сделал то, что я тебе велела? – не унималась смеющаяся Юля.

– Как зачем, – смутился несчастный, – потому что ты попросила, значит тебе холодно.

Последовали пароксизмы сдавленного смеха. Даже Милана не выдержала и улыбнулась.

– Мишель, никогда не делай то, что тебе велит девушка, если хочешь быть настоящим мачо, – и снова последовал смех. – Вот, смотри, – и Юля стянула газовый шарфик с шеи, затем она встала, подошла к борту яхты и вытянула руку с шарфиком над водой, – вот если я сейчас отпущу шарф и скажу тебе прыгнуть за ним в воду, ты и это сделаешь?

– Да, прям тут же, и не задумался бы, – жалко пытался шутить красивый Мишель, походивший на ласкового пса.

– Клянешься?

– Клянусь! – крикнул Мишель.

Тут Юля отпустила шарф.

– Мишель, прыгай! – скомандовала она.

Илья и Мишель подлетели к краю палубы и перегнулись через него, чтобы увидеть, какова была судьба шарфика. Его тут же подхватил ветер и, развеваясь и переворачиваясь в воздухе, шарфик полетел над поверхностью воды, пока, наконец, не исчез в темноте.

– Ну что же ты, ты же поклялся, прыгай! – издевалась Юля.

На Мишеля было жалко смотреть.

Дэн и Милана остались сидеть на своих местах.

– Вам не весело? – спросил Дэн, смотря Милане прямо в глаза. Его прямой взгляд в темноте трудно было оценить. Но взгляд был беспокойный, и Милане почудилось, как будто Дэн что-то важное сейчас определит для себя, услышав ее ответ.

– Нет, – серьезно сказала Милана, – мне жалко Мишеля. Я иду спать, с Вашего позволения.

Глава 2. Самый умный осьминог

Плавно передвигая свое овальное тельце глубоко под толщей морской воды, к объекту невнятной конфигурации подполз осьминог. Как только десять тысяч рецепторов на одной его «руке» коснулись этого предмета, мозг откликнулся сигналом «несъедобно». Дальнейшая рекогносцировка показала, что это человеческое изобретение, которое, как вспомнилось осьминогу, называется «сумка». Потеряв всяческий интерес к бесполезной находке, наш друг равнодушно пополз дальше, оставив никчемный предмет непонятного назначения украшать морские глубины.

Высшее общество, закрытые клубы, кастовая система, элитарность. Неужели Дэн видит себя в этих рамках? И что требуют от него эти рамки? Закончить престижный вуз, МГИМО, например, учащихся которого можно условно подразделить на три основных категории: отпрысков мафиозных миллиардеров, дети которых плохо спят по ночам из-за бряцания костей скелетов в папином шкафу; миллионеров средней руки, чьи грешки поменьше, а аппетит побольше; и нищобродов-богатеев с быстрыми короткими деньгами, которые решили, что перескочат в новую социальную ка-

сту с помощью своих детей. Потом получить диплом, потом поступить на недостижимо для других выгодное место работы благодаря папиным связям и работать рука об руку все с теми же выходцами из МГИМО. А получается, что жизнь, которая должна напоминать, по сути, чистейший алмаз, который по воле человека подвергается огранке, заранее огранен именно таким образом, каким его захотело видеть общество. И при том далеко не все общество, а лишь тонкая его прослойка. Почему именно так, а не иначе? Почему человеку так редко позволяют насладиться творческим процессом огранки бриллианта под названием собственная жизнь? – размышлял Дэн. Он родился в Москве, но будучи еще совсем маленьким, отправился с родителями в Грецию, где его отец работал в посольстве. Так что по-гречески он научился говорить быстрее, чем на родном русском. После Греции была Испания, куда он попал в возрасте семи лет. Тогда впервые он почувствовал, что значит расставаться с друзьями. Друзья из посольства провожали его со слезами на глазах. Конечно, это были в основном девочки, кто плакал. Но это, несомненно, тронуло его мальчишеское сердце. Дальше была Португалия, где он оставил свою первую любовь – португальскую девочку африканской крови по имени Мариана, с необыкновенными синими глазами. Тогда он осознал, что национальные и расовые различия не имеют для него значения. Это было счастливейшее время в его жизни. Эпоха двухтысячных, невероятные истории, исходившие от людей

из окружения отца, о новых русских олигархах, об их частных самолетах, об их офшорных счетах... Потом была Мексика, где Дэн понял разницу между морем и океаном и решил, что постарается в жизни мыслить масштабами океана, и не заикливаться на рамках, обозначаемых морскими берегами. Потом была Саудовская Аравия, где его семья жила за высокими стенами забора, в доме, который скорее можно было назвать замком. А за забором была нищета. Тогда Дэн осознал несправедливость мироустройства и стал задаваться многими риторико-философскими вопросами, сильно поколебавшими его веру в разумность социальной организации. Ну а потом плавно наступили университетские годы. В весьма разнохарактерной и разнокалиберной студенческой среде МГИМО Дэну помогли правильно ориентироваться в жизни те впечатления, которые он получил в детстве в разных частях белого света. Он понимал уникальность своего положения, социального статуса, но никогда не превращался в сноба. Хотя временами его снобизм, впрочем, вполне сбалансированный и обоснованный, носящий более интеллектуальный, нежели кастово-материальный характер, прочитывался в том, насколько тщательно он выбирал узкий круг своих друзей, сохраняя при этом со всеми окружающими прекрасные дружеско-приятельские отношения. Девушки появлялись в его жизни не очень часто и больше эпизодически, так как он довольно быстро в них разочаровывался. Да и времени у него было катастрофически мало. Все сво-

бодные дни, каникулы и летние месяцы он проводил в Европе с родителями, которые брали его с собой на дипломатические обеды и ужины, выставки и культурные мероприятия, в театр на мюзиклы и спектакли. Отец его в это время работал в Лондоне. Живя там летом, Дэн мог сесть на самолет и уже через мгновение оказаться в Париже, или Мадриде, или в Милане, или в Афинах и наслаждаться досугом в этих прекрасных центрах многовекового культурного наследия. Если в Венском оперном театре шла какая-то редкая постановка, он мог специально прилететь, чтобы послушать уникальное выступление оперных див. Если в музей Прадо привозили редкую выставку, он не задумываясь, мог на нее попасть. И надо сказать, что родители не скупились, стараясь привить сыну любовь к высокому искусству.

Однако не гнушался он и развлечений несколько иного характера. Он с удовольствием посещал вечеринки в ночных клубах. Всегда находил толпу друзей, с которыми веселился до утра. В каждом месте, в каждом европейском городе, куда бы он ни приезжал, он неизменно находил старых друзей, которые души в нем не чаяли. И с ними он полностью отдавался волнам веселья и опьяняющего разум праздного беззаботного существования.

Но потом опять возвращались осенние дни, начиналась учеба, и Дэн вновь превращался не в очень усидчивого и старательного, но очень сообразительного и обаятельного студента.

Эта разносторонность Дэна была его удивительной характерной чертой. То, с какой легкостью он сходилась с людьми, с каким удовольствием он с ними общался, компенсировалась тем, сколь узкий круг людей был допущен в его личное пространство, в его внутренний мир.

Итак, стоило ли Дэну смириться с заранее ограненным бриллиантом собственной жизни или стоило превратиться в юного революционера? Но если все же рассуждать шире, то не является ли жизнь каждого из нас кем-то и зачем-то заранее «ограненной»? Задумываются ли люди, что практически каждое их движение в течение дня, по сути, кем-то другим предопределено? И чем старше становится человек, тем лимитированнее радиус спирали, по которой он может двигаться вокруг своей драгоценной оси, читай – персоны. Мы же не можем покинуть наше тело, к которому привязаны изначально. Это нас ограничивает уже в детстве. Но, по крайней мере, когда мы маленькие, мы не владеем тем грузом стереотипов, которое начинает давить на нас со временем. Мы принимаем, возможно, не до конца осознанные, но зато свои собственные решения. Потом, по мере взросления, мы всё быстрее и быстрее теряем эту способность, до тех пор, пока принятие никем и ничем не продиктованных решений становится уже окончательно невозможным.

Представьте ваш утренний ритуал. Вы просыпаетесь и идете чистить зубы. Какую зубную пасту вы выберете? Ту, реклама которой вам понравилась больше всего. Ну и, ра-

зумеется, не самую дешевую, возможно даже, самую дорогую (это сейчас касается уважаемых мужчин, которые собрались вечером пригласить домой девушку, на которую хочется произвести впечатление). А если вам не позволяет статус заказывать или покупать дешевую зубную пасту, просто потому что ее будет заказывать ваш водитель, перед которым вам стыдно покупать дешевую пасту? Потому что, понятное дело, все начинается именно с зубной пасты. Именно зубная паста – как краеугольный камень вашей зарождающейся репутации. Именно зубная паста – как фундамент вашего имиджа. Именно зубная паста – как критерий оценки релевантности вашего социального статуса. Если водитель скажет всему остальному служебному персоналу, работающему на вас, что вы жлоб и покупаете дешевую зубную пасту... вам уже от лейбла жлоба не освободиться вовеки. Ну а в противном случае, если вы можете себе позволить только дешевую зубную пасту, то представьте, как вы стесняетесь ее покупать, или как вас ночью начинают беспокоить мысли, что у вас портятся зубы по причине использования плохой зубной пасты. И вы ворочаетесь, и теряете драгоценные минуты сна, а на утро просыпаетесь с тяжелой головой. А еще хуже, если на вас лежит ответственность за то, что этой дешевой пастой пользуются ваши дети. А более качественную пасту вы им предоставить просто не можете. Это уже угрызения совести, это уже невроз, это уже диагноз... Представляете сколько сил и времени вам пришлось потратить на то, чтобы

выбрать оптимальную по качеству, цене, формату и ситуации зубную пасту? И это только зубная паста. И это только начало длинного, о-о-очень длинного дня. А ведь это, по сути, совершенно не имеет значения для формирования вашей личности, вашего внутреннего мира, для развития ваших способностей. Давайте не будем говорить о том, что вы надеваете после душа, где вы вспенивали на своем теле именно тот гель для душа, который соответствует всему тому цветистому набору стереотипов, что роится в вашем мозгу и связывает вас своей паутиной с полного вашего же собственного согласия. Давайте не будем говорить о машине, в которую вы садитесь, или может быть, вы едете на метро? Давайте не будем говорить, что вы можете позволить себе съесть на завтрак, обед и ужин, а что не можете. Просто это займет очень много времени... Вопрос вот в чем: вы ли всё это выбрали?

Дядя Эрик, как его звало молодое поколение Енисеевых и Амелресовых, был, несомненно, умен, несравнимо умнее многих, кого знал Дэн. И, конечно же, полагал юноша, его тоже мучали все эти вопросы. И многие другие. Тогда понятно, почему он бросился в воду. Почему-то Дэн чувствовал неопределенную смесь жалости и восхищения по отношению к утопленнику. А к этому прибавлялось чувство смутной связи с ним. Как будто своим поступком дядя Эрик

хотел сказать что-то именно Дэну. Как известно, мало что в жизни происходит просто так, без наличия скрытой или явной причины. И тот факт, что тело Оффенгеймера обнаружил именно Дэн, не давало молодому человеку покоя.

Яхта стояла в бухте напротив Канн. Было три часа ночи. На борту все давно спали, кроме молодого французского комиссара жандармерии месье Дэвре, который был на дежурстве. В течение дня на яхте опять появился шеф полиции полковник Эргин и передал Амелресову распоряжение властей об обязательной охране особо важных свидетелей – русских туристов. Для этой цели Дэвре и был помещен на яхту. Хотя Дэн прекрасно понимал, что в завуалированном виде полиция установила контроль и постоянное наблюдение за двумя семействами и их гостями, явно подозревая их в причастности к смерти Оффенгеймера.

Дэну совершенно не хотелось спать, он стоял на верхней палубе, его волосы шевелил приятный свежий ветер. С одной стороны от Дэна, насколько хватало взгляда, темнела морская гладь. С другой – загадочно мерцали огни прибрежной линии. Продолжать ничего не делать было невыносимо. И Дэн отправился вниз – на этаж, где располагались гостевые каюты.

В это время к Милане сон тоже никак не шел. Она ворочалась с боку на бок, но из головы не шел образ Дэна, его нечеткая в слабых отблесках свечей улыбка. Несмотря на приглушенный свет, Милана все же смогла разглядеть, что улыба-

ьясь, Дэн смотрел именно на нее. На ум невольно приходили слова Эммы о том, что Дэн заинтересовался ею не на шутку. Потом Милана начинала яростно молотить подушку, говоря себе, что все это она напридумывала. Что ничего из этого не соответствует действительности. Что она настоящая уродина, однако, при этом не настолько глупа, чтобы позволить своему воображению завести себя слишком далеко и в абсолютно ложном направлении.

Наконец, природа взяла своё, и веки Миланы начали тяжелеть, а сердцебиение успокаиваться. Она медленно погрузилась в сон.

Милана не сразу поняла, что происходит. Кто-то настойчиво и равномерно стучал в дверь. Сначала спросонok ею овладела тревога, которая сопровождала ее на протяжении всего путешествия по морю, так как она боялась воды. Потом рассудок окончательно проснулся, и она быстро подошла к двери.

– Кто там? – тихо спросила она.

– Это Дэн, откройте, Милана, я на минуту. Если хотите, я подожду, пока Вы оденетесь.

Милана схватилась за голову, пытаясь понять, что нужно было Дэну от нее посреди ночи. Что-то серьезное случилось? Может, Эмме плохо? Или... Не может же быть... нет, она должна отбросить все эти странные и неправильные мысли. Через минуту дверь каюты открылась, и удивленная Милана впустила Дэна.

– Что случилось? Что-то с Эммой? – не выдержала она.

– Не волнуйтесь, ничего страшного. Эмма в порядке, крепко спит. Извините, что разбудил, просто это дело такое, или сейчас, или шанс уплывет. В прямом и переносном смысле, при чем. У меня к Вам предложение дружеского сотрудничества в одной интересной операции.

– И ведь придумает же!

– Как Вы догадываетесь, наверное, это связано с дядей Эриком.

– О Боже, Дэн! Вы все никак не успокоитесь на счет этого дневника? Этим делом занимается уже целая куча людей! Вам уже можно было бы и бросить мучительные размышления.

Милана, весьма лохматая, закутанная в толстую шерстяную длинную кофту, слегка напоминала Винни-Пуха.

– Я понимаю, понимаю, что это может показаться Вам бредом, глупой манией подростка. Но мне кажется, что мы с Вами ближе других к источнику информации об Оффенгеймере, чем кто-либо, мы ближе других к его дневнику. Стоит только протянуть руку, и мы сможем прикоснуться к невероятной истории, сможем повлиять на ее развитие. Неужели это никак Вас не задевает, в смысле, неужели Вам не любопытно?

Откуда столько «мы», вдруг подумалось Милане, какой-то тут есть подвох.

И почему же она все-таки такая, ну как бы это сказать...

милая что ли, хоть и совершенно... не красавица, недоумевал Дэн.

– Дэн, ближе к делу, ночь на дворе, а Вы тянете время и не говорите, ради чего лишили меня сна.

– Вы правы, Вы правы. Так вот, – сам удивившись собственному позерству, Дэн выдержал эффектную паузу. – Я хочу достать дневник Оффенгеймера... с морского дна.

Милана начинала терять терпение. Она и так высыпалась плохо из-за качки на море и из-за того, что была на яхте гостьей и чувствовала себя стеснительно.

– Я ожидала чего-то подобного, к сожалению. О чем это для тебя, Дэн?.. – Ее голос звучал сонно, но с еле скрываемым раздражением. – Дэн, Вы не подумали, что искать этот дневник – просто глупая и бесполезная затея, просто потому, что наверняка всё, что там было написано, давно уже размыто водой, если дневник, конечно, как Вы полагаете, на дне моря. Кроме того, территория, где было найдено тело Оффенгеймера, активно патрулируется морской полицией, у нас на яхте вынюхивает каждый сантиметр этот длинноногий Дэвре, тебя засекут, начнутся допросы, еще натворишь неприятностей на голову папе. Вы, я хотела сказать, Вы... натворите неприятностей...

– Вот и отлично, я давно хотел перейти на «ты»! Во-первых, совсем не обязательно текст размыло водой. Я прекрасно помню детские игры, в которые я с друзьями так увлеченно играл. Мы запрятавали всякие записки с указанием, где

искать тот или иной предмет, и записки эти мы и в землю закапывали, и под водой в море или в бассейне надолго оставляли. И ничего не случилось с текстом, если, конечно, он был написан обычной шариковой ручкой. Вот если Оффенгеймер писал чернильной, перьевой ручкой, то тогда да, твой аргумент весьма имеет под собой основание. Во-вторых, полиция ошибается. Ну и что, что они патрулируют территорию. Они патрулируют не ту территорию! Я зрительно хорошо запомнил, в какую сторону было направлено течение, Эмма еще говорила, что я побоюсь прыгать из-за сильных волн. Течение, действительно, было не из слабых, особенно учитывая, что накануне того дня сильно штормило. А значит, волнами труп успело отнести довольно далеко, прежде чем он столкнулся с нашим судном. В тот же день вечером течение утихло, и мы двинулись навстречу ему и прошли внушительное расстояние. Но если полиция оставалась на месте, то мы-то как раз двигались на сближение с пунктом, откуда предположительно мог начать свое плавание мертвый Оффенгеймер. Ты следишь за моей мыслью?

– Ммда...

– Хорошо, так вот, я предлагаю взять шлюпку, отплыть на некоторое расстояние от яхты, чтобы плеск волн никто не услышал, и потом нырнуть навстречу манящей морской глубине. Я хорошо ныряю с аквалангом.

– Ну, вот и решили, значит, я тебе не помощник. Я совершенно ничего не знаю о дайвинге. И ничего манящего для

меня в морской глубине нет. Только пугающее. Я же боюсь воды и очень плохо плаваю. И если хочешь знать мое мнение, я категорически против того, чтобы ты предпринимал что-нибудь в этом роде. Мало ли что может произойти с тобой, с лодкой, с морем, с морскими животными, которые там водятся. Там мокро, темно и страшно! Нет, я никуда не поплыву, не пойду и не поеду! В общем, нет, это мое последнее слово.

– Так. Идем со мной. Накинь что-нибудь теплое и пойдем! – Дэн увидел на кресле покрывало от кровати и накинул его на плечи Миланы. Затем он схватил ее за руку и потащил вон из комнаты.

Они поднялись на верхнюю палубу яхты. Ветер там был гораздо сильнее, чем внизу. На просторной палубе сразу же возникло ощущение открытого моря, над головой не было ничего, кроме звездного неба. За бортом была тьма, чернота, а ниже – глубина... Когда ребята подошли к самому краю палубы, Дэн сказал:

– Часто ли ты в жизни была так близка к бесконечности? Часто ли твоему сознанию открывалось чуть больше, чем ты знаешь, чем ты можешь постичь? Часто ли твой взгляд не встречал преград на своем пути и мог блуждать по бескрайним просторам окружающего мира, вплоть до горизонта? Скажи, часто?

– Нет... – Милана была застигнута врасплох таким натиском, красноречием и эмоциональностью, которые проявлял

сейчас обычно сдержанный Дэн. К тому же он стоял нерационально близко от неё.

– Нет. Правильно. А теперь представь, что именно так и должно быть обычно в жизни. Так должно быть всегда! Взгляд должен не находить преград, мысль должна не знать границ. Попробуй нарушить стереотип, что нырять ночью с аквалангом опасно, что тебя могут не понять мои родители, что полиция может начать задавать вопросы. Все это не имеет никакого значения. Выйди со мной на лодке в море! Это именно то, что позволит нам разрушить предсказуемый, размеренный ход событий. Это, возможно, тот случай, который изменит твою и мою жизнь – хотя бы просто потому, что даст воспоминание, которое не забудется никогда. Решайся! Без тебя мне не справиться, нужно, чтобы кто-то контролировал веревку, к которой я себя привяжу для подстраховки. Нужно, чтобы кто-то смотрел за лодкой.

Как описать то, что почувствовала Милана? Всё, что раньше являлось для нее единственно возможным, правильным и обязательным, становилось таким же зыбким и непостоянным, как вода, на которой держалось судно.

– Я... но... – неуверенно проговорила Милана, – мне нужно сначала одеться...

Тут произошло что-то немыслимое: Дэн подпрыгнул и крепко обнял Милану.

– Я так и знал, я так и знал, – твердил он. – Я знал, что могу рассчитывать на тебя. Спасибо! Спасибо! Спасибо! Зна-

чит, план такой: – тон его сделался деловитым, – ты отвлекаешь Дэвре. Говоришь, что тебе страшно, что у тебя бессонница. Прикинься такой слабой и беззащитной маленькой серенькой птичкой. Отводишь его в противоположную сторону от того места, где мы будем прыгать в лодку. Желательно завести его внутрь в гостиную, налить ему чаю, предложить печенья, в конце концов. Все это ты найдешь на кухне, думаю, ты уже должна была там побывать. Кухня там же, где все гостевые каюты. Я между тем спускаю лодку на воду. Все снаряжение я приготовил еще днем. Потом ты говоришь, что благодаря Дэвре у тебя пропал страх и вернулось желание спать, и сделаешь вид, что уходишь к себе в каюту. Сделать это нужно, пока Дэвре еще допивает чай. Потом, когда ты выйдешь из гостиной в коридор, вместо того, чтобы спуститься по лестнице к себе в каюту, выходи наружу через боковую дверь. И там быстро найди меня. Мы прыгнем в лодку и будем таковы. Все поняла?

Уже у себя в слабо освещенной каюте Милана лихорадочно выуживала самую тёплую одежду из тех вещей, что она взяла в поездку. Руки ее слегка дрожали, она посмотрела на свое тусклое отражение в зеркале и вынуждена была признать, что не совсем понимает, что делает. Но при этом она вдруг невероятно отчетливо поняла, что... счастлива. На секунду ей показалось, что Дэн не просто так ее позвал участвовать в этой ночной эпопее. Ей почудилось вдруг, что это приключение может закончиться весьма неожиданно –

совершенно головокружительно неожиданно! Ей представилось, как они плывут с Дэном в лодке посреди темного моря, и как он вдруг – о Боги!!!! – целует ее... Но тут же она прервала сама себя, постаралась успокоиться и взять себя в руки, после чего произнесла мантру: я не буду делать ничего, что подвергло бы мою жизнь опасности. Я участвую в этом не ради прихоти избалованного мальчика Дэна, а потому что мне самой интересно. Я ни у кого не иду на поводу и остаюсь во всей этой истории самой собой. Никто и ничто не сможет заставить меня предать саму себя.

С этим решительным настроем она вышла из каюты.

Одинокая фигура длинного Дэвре легко угадывалась в темноте. Он стоял в пальто, слегка опираясь о перила нижней палубы, и смотрел вдаль. И виделось ему, как он случайно подслушивает обрывок разговора Амелрессова и Енисеева-старших, которых он, конечно же, считал главными заговорщиками и убийцами Эрика Оффенгеймера. И делает из этого разговора глубочайшие выводы. Какие именно – его фантазия не детализировала. Затем он находит клочок записки, выпавшей у Амелрессова из заднего кармана брюк. И это становится главной уликой, подтверждающей его глубокую догадку. Но он на этом не успокаивается, он делает вид, что ничего не знает, он выжидает, он пристально наблюдает за каждым присутствующим на яхте человеком. Он входит в доверие к Амелрессову, он становится центром внимания на ужинах на яхте, рассказывает увлекательные исто-

рии из своей полицейской практики, вызывает восхищение невинных и ничего не ведающих дам. И между тем неутомимо и неусыпно продолжает свое расследование. И, конечно же, обнаруживает много подводных хитросплетений, какие можно обнаружить в любом другом семействе... Именно так бы и поступил знаменитый Пуаро – идеал Дэвре с отроческих лет. И конечно, там есть дама, дама в бедственном положении, которая в отчаянии обращается за помощью именно к нему...

– Месье Дэвре!

Дэвре аж подскочил от неожиданности и от того, что его мысли становятся реальностью так стремительно. Тихий женский голос. Потом он разглядел в темноте словно подлетевший к нему ароматный клубок, состоящий из пушистого платка, шерстяного платья и мягких тапочек. Маленькое нежное создание доверчиво смотрело ему в лицо своими блестящими круглыми глазами.

– Месье Дэвре, – снова полупшепотом произнесло видение. И какое изумительное произношение! – думалось Дэвре. Никогда ещё его имя не звучало столь таинственно и задушевно... Потом он все же собрался с мыслями и произнес:

– Да? Это Вы, Милана, о прекрасное видение?

– Да-да, это я, – надо было отдать ей должное, Милана говорила по-французски столь же безупречно, как и по-английски. – Все сейчас спят, – продолжала она, – а мне стало страшно одной в каюте. – Милана картинно закутывалась

в свой платок, как будто он был единственным ее убежищем от всех превратностей судьбы. – Тут такие ужасные события, мало ли что, вдруг убийца прячется где-то на яхте!

– Милана, прелестная Милана, не беспокойтесь. Я здесь не просто так – я охраняю Вас, – в темноте не было видно, как Дэвре покраснел от удовольствия.

– Здесь так холодно, – проворковала Милана. – Давайте пройдем в гостиную, и я налью нам с Вами горячего чая. Вы ведь не откажетесь составить мне компанию?

Дэвре не стал противиться. Пока все шло как по маслу. Милана про себя радовалась. Давно крившийся в ней актерский талант давал о себе знать. Долговязый Дэвре явно чувствовал себя в маленькой гостиной не в своей тарелке, а потому это повышало шансы Миланы и дальше успешно руководить процессом.

Но вот настал патетический момент. Чашка Дэвре наполовину опустела. Надо было действовать.

– Месье Дэвре, – произнесла Милана после продолжительного не совсем натурального зевка. – Я так Вам благодарна, Вы не представляете. Ко мне вернулось душевное спокойствие, и я готова продолжить сон. Поэтому с Вашего позволения, удалюсь. Вы же продолжайте наслаждаться чаем.

– Нет-нет, что Вы, я Вас провожу. Уж подарите мне это удовольствие.

– Да нет, спасибо, я и сама найду дорогу, ничего страшного, пейте свой чай спокойно, – Милана старалась придать

своему голосу максимальное спокойствие, чтобы Дэвре уверился в том, что она уже ничего не боится.

– Нет-нет, я так не могу, бросить Вас на полпути. Это не позволительно джентльмену. Пойдемте я Вас провожу.

Черт побери, думала Милана. Вот ведь рыцарь выискался, бедный Дэн уже, небось, заждался меня. Хотя, черт побери, приятно чувствовать себя слабой и беззащитной. Как это Дэн сказал... «маленькой серенькой птичкой». Дальше отказываться от помощи Дэвре было как-то уже нелепо. Это могло вызвать ненужные подозрения.

– Хорошо, спасибо Вам большое. Проводите, только потом возвращайтесь сразу к исполнению своих обязанностей. Не стоит тратить на меня Ваше драгоценное время.

Довольный как слон, Дэвре закачался двухметровой колонной следом за пушистым коlobком Миланой. Перед дверью в свою каюту Милана подарила Дэвре восторженно-благодарный взгляд и плавно закрыла перед его носом дверь. После этого сразу же со вздохом облегчения прислонилась к двери, вслушиваясь в его шаги.

Когда Дэвре, по представлениям Миланы, удалился, она тихонько открыла дверь. В коридоре второго этажа никого не было. Милана обрадовалась, что план все же сработал, и вышла за стеклянную дверь на палубу. И там никого.

Она поторопилась в направлении, где ее ждал Дэн.

– Ну наконец-то, – произнес он в темноте, – залезай на лодку.

Дэн начал было отвязывать трос, на котором держалась лодка, как тут вдруг откуда ни возьмись из темноты выросла фигура Дэвре:

– А что это вы здесь делаете? – настороженно проговорил он.

– Эmmm, видите ли ... – начала Милана.

– Проклятье... – прошептал Дэн в сторону, – Месье Дэвре, мы собирались немного заняться ночным дайвингом. Понимаете, хотели успокоить нервы. – Голос Дэна звучал ровно и невозмутимо, как будто он уже смирился с тем, что говорит полную чушь, не надеясь вовсе, что Дэвре поверит. Однако он явно недооценил Дэвре. Тот радостно ответил:

– Прекрасно Вас понимаю, Дэн. Я сам опытный дайвер, и знаю не хуже Вас, что дайвинг – самое лучшее средство избавиться от стресса. Я настаиваю, чтобы в целях безопасности вы взяли меня на лодку. Если что, я подскажу, что делать. А лучше, если я нырну вместе с вами, дабы опекать прекрасную даму от каких-либо опасностей.

– А я не собираюсь погружаться, – быстро включилась Милана. – Можете меня не опекать, а Дэн и сам справится, он тоже давно дайвингом занимается.

– Нет-нет, я не смогу спокойно ожидать на яхте вашего возвращения, зная, что не исполнил в должном объеме свои обязанности. Я поплыву с вами в лодке. Моя работа – охранять вашу безопасность. Так что ныряйте, сколько хотите. Я буду сторожить в лодке.

Ребята переглянулись, но делать было нечего.

Лодка медленно отплыла от яхты. Повисло напряженное молчание. Дэн уверенно держал курс навстречу ночной непроглядной мгле, включив свой охотничий инстинкт. Руки Миланы похолодели, а тело заостенело от волнения и холода.

Наконец, Дэн остановил лодку, вручил страховочный трос Милане и, не говоря ни слова, нырнул.

Время тянулось крайне медленно, но Дэн, казалось, и не собирался выныривать обратно на поверхность. Дэвре заёрзал на месте.

– Не может же он так долго нырять. Явно что-то случилось. Я должен выяснить.

– Месье Дэвре, не волнуйтесь, он не дергал трос, значит, все в порядке, он опытный дайвер.

– И все же я не могу сидеть сложа руки.

Надо отдать должное мужественности Дэвре. Он только сказал:

– Я все выясню, я превосходно плаваю. И ныряю тоже. – И был таков.

Милана осталась одна в лодке. Легкие шлепки отплывающего Дэвре испарились в темноте. Стало совершенно тихо. И темно.

Затем где-то очень близко от Миланы заурчал двигатель моторной лодки. Девушка покрылась холодным потом. Что если это была полиция, и ей сейчас придётся объяснять, что

она делает в открытом море одна в лодке посреди ночи. Разум ее заметался в поисках одного объяснения за другим, эти мысли перебивались настойчивым чертыханием в адрес Дэна, которому она говорила, что именно так все и произойдет, что они непременно вляпаются в неразрешимые проблемы и навлекут неприятности на родителей Эммы и Дэна.

Звук мотора становился все громче. Тут из темноты вырисовалась утлая лодочка, в которой сидели двое мужчин, по их неопрятной одежде можно было предположить, что они... по их неопрятной одежде ничего нельзя было предположить, ибо нечего было никому делать в море посреди ночи. Кроме бандитов. Но эту мысль Милана постаралась заглушить обнадеживающими, но глупыми предположениями, что может быть, это потерявшие дорогу миролюбивые и дружелюбные рыбаки или что-то в этом роде. Милана перепугалась не на шутку. Потому что если полиция означала просто неприятности, то какие-то бродяги ночью означали опасность для жизни. Они обратились к Милане первые, на чистом французском. Благо Милана хотя бы могла их понять и ответить:

– Ооо, мадмуазель, – и первый из них, что стоял в лодке, скабрёзно улыбнулся. Самые ужасные страхи Миланы начинали подтверждаться. – И что же вы тут делаете? – похоже, этот вопрос стал доминирующим среди тех, что Милане задавали в последнее время.

– Я... мы... занимаемся дайвингом. – Кроме правдивого

ответа ей ничего не пришло в голову. Можно было, конечно, притвориться, что она не знает французского, но это в равной степени могло и ухудшить ситуацию, так как эти странные люди сразу бы поняли, что она иностранка, и не дай бог чего...

– Дайвингом? – и он присвистнул. – Интересно, интересно... а почему же вы занимаетесь дайвингом в ночное время? И совершенно одна, как я погляжу?

– А потому что мой друг, он... увлекается морскими гадами всякими, знаете? И ночью на дне моря появляются такие виды рыб, которых не увидеть днем. – Милана была горда своей изобретательностью. Присутствие духа к ней постепенно возвращалось. – И я вовсе не одна, можете по этому поводу не беспокоиться.

– Нда... эдакий отчаянный интерес к морской фауне заслуживает всяческих похвал. Надо же! А вы с Вашим другом, случаем, не с русской ли яхты?

– Да, именно так, – и что им нейметя, и все же Милана предпочла придерживаться правды, а то не дай бог чего...

– И как же это вы умудрились сойти с борта корабля, скажите, пожалуйста, вы же все под наблюдением полиции? Вас же держат под арестом, милочка?

– Так, во-первых, мы не под арестом. И кто вам рассказал такую чушь? Во-вторых, нас не под наблюдением держат, а охраняют нашу безопасность. И сейчас недалеко отсюда плавают комиссар полиции. Так что вам тоже стоит приза-

думаться, задерживаться еще здесь или нет. – Голос Миланы выдавал тот факт, что она начинала терять терпение.

– Ха-ха-ха-ха! Это Дэвре что ли «плавает»? Ой, боже мой, держите меня, со смеху сейчас за борт полечу. Ха-ха-ха! Это он плавает? Что это на него нашло? Вот умора, – искреннее хохотание бандита показалось Милане крайне неуместным и невежливым, но тот не мог остановиться. Наконец, уже снова с серьезным лицом он сказал:

– И вообще, может, вы не рыбок и морских гадов приплыли смотреть, а что-то совсем другое, а?

– На что вы намекаете? И откуда вы знаете Дэвре?

– Хэ-хэ, а кто же в Каннах его не знает!

Вдруг они услышали в отдалении крик. Волосы приподнялись у Миланы над черепом, казалось, она сейчас потеряет сознание от страха. Крик повторился.

– Ладно, ладно, сегодня тебе повезло, малышка, – рыбаки как-то неестественно всполошились и поторопились скрыться в ночной мгле. И что значила эта фраза: «сегодня тебе повезло»?

В этот же момент из ниоткуда с громким всплеском вынырнул Дэн.

– О Боже, слава Богу! Сколько можно было там сидеть! Быстро залезай в лодку! Чтобы еще раз я согласилась на твои затеи! Там Дэвре кричит, видимо, зовет на помощь. Тут страшные люди какие-то подплывали. Я убью тебя, ни за что больше на твои авантюры не соглашусь!

– Я нашел его, кажется, я нашел его, понимаешь, Милана? – Дэн совершенно не слушал путаные восклицания Миланы, которая к тому же дрожала от холода и свалившегося на нее драматичного приключения. – Тот осьминог, он привел меня к дневнику, представляешь?

– Ты уже окончательно бредишь, Дэн. Какой ещё осьминог?! Я чуть жизни не лишилась! Поплыли на помощь Дэвре! – у Миланы зуб на зуб не попадал.

Крики повторялись все ближе, по мере того, как Дэн и Милана продвигались в темноте. Когда, наконец, ребята увидели Дэвре, он, видимо, в состоянии крайней паники, вертелся в воде вокруг своей оси и орал что было мочи, прося о помощи.

Наконец, когда он увидел знакомую лодку, он быстро замолчал, видимо, стыдясь своей слабости.

– Мне показалось, там акула, – тихо проговорил он, после того, как торопливо залез на лодку. – А течение тут такое сильное, что я словно плыл ей навстречу. Мадмуазель Милана, вы в порядке? Вы же чертовски замерзли! Дэн, вы хорошо погрузились? – Дэвре и правда можно было пожалеть. Мокрый и дрожащий от холода, он отчаянно пытался «сохранить лицо», с которого капала вода, скрывая свой позор под вуалью вежливой беседы, как будто минуту назад он в беспомощности не кричал от страха.

Маленький осьминожек, тот самый, что нашел бесполезную сумку, назначение которой ему ни в жизни не дано было расшифровать, опасливо всколыхнул всеми своими щупальцами одновременно.

«А вот и само человеческое отродье пожаловало, неужто за этой несчастной сумкой?» – положительно, иногда он и сам удивлялся собственной прозорливости и догадливости. Но так как и трусливость ему была свойственна в равной степени, что и сообразительность, то он ловко сгруппировался в пружинистый любопытствующий комок и спрятался за большой каменной глыбой, чтобы оттуда с безопасного расстояния наблюдать за происходящим.

Страшный и большой человекоподобный с ногами, как у лягушки, вел себя грубо и неосмотрительно, вторгнувшись в тихую морскую обитель ночью. Да еще к тому же решил всех ослепить огромным фонарищем.

«Ну что же он, никак не заметит», – нетерпение осьминожки нарастало. – «Ну давай, чуть-чуть левее, ну посвети же туда!» Мутный луч света ползал по темному дну, освещая шевелящиеся в воде растения и неестественно застывшие раковины и камни. Но тщетно, место, где лежала сумка, осталось им не зацеплено. «Помочь ему что ли? Он все равно явно не за мной приплыл. Хоть быстрее свалит отсюда

со своим осветительным монстром», – рассуждал осьминожек. И он отважно выполз из укрытия, надеясь, что активное шевеление его восьми щупалец привлечет внимание человекоподобного. Что интересно, так и случилось.

«Какой смешной», подумал Дэн, разглядывая осьминожка. «И как быстро передвигается... Э, подожди, друг, куда же ты так шустро!» Когда осьминожек вдруг замер, Дэн заметил лежащую рядом с ним сумку. «Не может быть, приятель, ты меня привел, похоже, к чему-то очень интересному! Спасибо тебе!» Не веря своему счастью, Дэн бережно взял то, что предположительно принадлежало ранее Оффенгеймеру. Это был кожаный рюкзак. Заглянув внутрь, он увидел предмет, напоминавший книгу или тетрадь. Дэн сразу понял, что это был дневник Оффенгеймера. С этих пор найденная им на дне моря тетрадка стала самым драгоценным предметом, который Дэн когда-либо держал в руках.

Глава 3. Самое любопытное

Март 2008

«Мы ценим только то, чего мало: время, красоту, любовь. Да, и еще деньги. В них-то мы и оцениваем первые три названные элемента. А что заставляет нас ценить именно их? Правильно направленная человеческая мысль. Кем-то и когда-то направленная. Значит, если бы кто-то и когда-то направил нашу мысль на то, что ценны, например, загробное бытие, уродство и ненависть, то мы бы опустошали наши карманы и души ради обладания именно ими.

Итак, мысль правит балом.

На что похожа мысль? На сгусток энергии. Такое ощущение, что накатывает волна, совсем как на море, холодная, соленая, мощная. И не всегда понятно, чем обернется близость с этой волной – ледяным шквалом свежести или саднящей болью от удара о шершавый песок, смешанный с ракушками. Хотя есть и то, что объединяет эти две ипостаси: счастье от преодоления обыденности, радостный прыжок в поле неизвестности. А потом – столь же радостное возвращение ко всему, что делает тебя тобой: к обыденности и ко всему знакомому, то есть к той реальности, на которую ты способен влиять. Или, точнее, как тебе кажется, ты способен влиять.

Если мысль правит балом, то гораздо интереснее, кто пра-

вит мыслью? Кто управляет этой неуловимой субстанцией без цвета и без запаха, которая приводит ко вполне осязаемым и обоняемым последствиям? И что это за путь она освещает, который заканчивается для одних любовью, и красотой, и временем, а для других – ненавистью, уродством и смертью?»

Апрель 2008

Сколько раз я говорил себе не влезать в бизнес с главным русским Кремлевским Мафиози, однако не получилось. Россия до сих пор видится мне крупнейшим нетронутым рынком в мире. Подумать только – эта страна и по сей день является потенциальным конкурентом нашему промышленному и финансовому господству. И это говорю я – гражданин Моей страны. Да какой, впрочем, из меня «гражданин Моей страны»?

Сколько раз я говорил себе избегать выхода из тени и столкновения с этими мелкими, алчущими власти и богатства людишками из околоскремлевских кругов? И угораздило же меня! Что это было? Азарт – кто кого, или все-таки семь миллиардов долларов на кону? Когда в далеком 1996 году было открыто месторождение алмазов вблизи русского города Архангельска, я сразу понял, что в этот омут или я погрузюсь с головой, всерьез и надолго, или вообще не стоит мне вмешиваться в это дело. Но это шло полностью вразрез с нашими стратегическими планами. Хорошо, что моя служба разведки работает исправно, и мне вовремя

стало известно, что и как обстоит в России. Мои опасения оправдались, и съесть этот аппетитный пирог не представлялось возможным. Видите ли, алмазы – это теперь стратегический бизнес. Российское правительство запрещает иностранным горнодобывающим компаниям иметь мажоритарную долю в российских предприятиях. Хотя, поразмыслив, хорошенько пораскинув мозгами, можно было надеяться от этого пирога откусить хотя бы небольшой кусочек.

Итак, алмазы – стратегический бизнес. Однако, если вспомнить некоторые исторические факты, которые почему-то не указываются в учебниках по истории, и которые мне довелось узнать благодаря моим влиятельным и осведомленным друзьям, ситуация в области природных ресурсов далеко не всегда была такой. Вспомним знаменитые Ленские золотые прииски. Сначала, еще в 1846 году, были открыты россыпные месторождения золота в Иркутской области. После того, как богатые золотом пески стали постепенно иссякать, на эту территорию стали приходить новейшие для того времени технологии для усовершенствования методов добычи золота. Все начиналось очень оптимистично: первая в России линия электропередач, первая электрифицированная железная дорога. Подключили телефоны...

И чем это обернулось? Если помните, Владимир Ильич стал подписываться псевдонимом «Ленин» в честь Ленского расстрела 1912. Эта история не прошла бесследно в тогдашней России. Рабочие устроили массовое восстание на сибирь-

ских золотых приисках. Шестнадцатичасовой рабочий день, работа в условиях вечной мерзлоты, жизнь в прогнивших вонючих бараках, задержки в выплатах заработной платы, дешевый труд женщин и детей, постоянные распри между акционерами и собственниками компании, сказывавшиеся на выплатах. В ответ на это восстание был произведен массовый расстрел восставших. Вслед за этим кровавым событием, что было вполне ожидаемо и логично, с небывалой прежде силой посыпалась критика в адрес царского режима, и революционные лозунги у большевиков рождались без особых усилий, сами собой.

Однако, в бытность мою, когда я частенько мотался в Лондон по делам, и заодно почитывал в библиотеках материалы по всегда интриговавшей меня истории России, я наткнулся на брошюрку, посвященную взаимоотношениям российского и иностранного акционерного капитала в России начала 20 века. И я невзначай выяснил для себя, что те самые сибирские золотые прииски принадлежали британской компании. По данным, на которые я натолкнулся, компания была зарегистрирована в Лондоне и владела контрольным пакетом акций золотых приисков, в которых в то время добывалось более трети всего российского золота. Этот факт не выходил у меня из головы и я продолжил свое изучение истории этой компании. Это мы говорим примерно о 1908—1909 годах. После начался сложный этап в истории России – революции, Гражданская война. В 1925 году опять встал вопрос

о добыче золота, и как ни странно, Советское правительство вновь передало прииски все той же британской компании. По договору с советским правительством, теперь компания могла вести свою деятельность на гораздо более обширных, необозримых сибирских землях. Помимо добычи золота, компания теперь занималась добычей серебра, железа, свинца и меди. Договор был, мягко говоря, невыгодным для советской стороны, ибо, согласно подписанного текста, компания оставляла за собой более девяносто процентов добываемого драгметалла.

Золото... Вот тебе и стратегический бизнес.

Н-да, вообще говоря, возвращаясь к нашим алмазам... очень даже стратегический бизнес для страны, особенно когда вы соревнуетесь с таким гигантом, как мы. Хотя по большому счету, я не разделяю взгляды своего деда относительно того, что мы должны оставаться тотальными монополистами на всемирном рынке, где никто не в состоянии даже отдаленно рассчитывать на адекватную прибыль, если только они не встраиваются в нашу структуру. Все имеют право на этой Земле обогащаться за счет ее ресурсов. Это не может являться привилегией одного единственного мозгового центра. Это примерно равносильно тому, что вы запретите любоваться солнечным закатом людям, приехавшим отдохнуть на пляж где-нибудь в Калифорнии. Это глупо. С одной стороны, конечно, должно быть равноправие. Должны быть равные возможности, равные права, равные обязанности. Хотя с другой

стороны, история подтверждает законы природы о том, что побеждает сильнейший из природных особей. Тогда о каком равноправии может идти речь? Это для меня всегда являлось одним из глобальнейших противоречий мироустройства. Издревле государства пытались прийти к принципам справедливого правления. Пропагандировали свободу и равенство. Но что касается равенства, то это невозможно изначально. У всех у нас разные способности от природы, разные физические данные, разные интеллектуальные возможности. Тогда как может быть, что все будут равны? Что касается свободы – здесь то же самое. Зачем тогда внедрять в умы людей заведомо ложные идеи на государственном уровне? Свобода... вожденная, призрачная, недостижимая... Люди одурманены мифической идеей свободы и неотделимым от нее безмерным употреблением спиртных напитков. Стоит предоставить всем свободу, как она моментально превращается в вакханалию и хаос... Сама природа человеческая противоречит понятию свободы, ведь одним из ведущих мотивов поведения человека является стремление к власти. А там, где власть, – там и отсутствие свободы. И потом, мы уже так далеки от свободного общества, сколько ни добавляй в Конституцию новых прав.

Возьмем, к примеру, свободу выбора. Разве мы вольны выбирать наших руководителей, вождей, не побоюсь этого слова? Когда в моем государстве доселе никому не известные руководители аппарата власти с ночи на утро становятся

кандидатами в президенты – о каком выборе мы говорим?

Возьмем свободу слова. Но ведь всем известно, что так называемая «четвертая власть» полностью в руках финансовых королей, которые преследуют вполне конкретные цели. Которые мы бы и разделили, может быть, даже с удовольствием, ежели бы их знали. Но мы в эти цели не посвящены. Нам это не дано знать. Считается, кем-то и почему-то, что мы недостойны этого знания. Почему недостойны, кто решил так? Ничего непонятно.

Кто-то, быть может, скажет, что у нас еще остается свобода вероисповедания. Но разве недостаточно примеров, когда верхушка власти принимала решение насильно искоренять веру из умов и сердец своих граждан, не оставляя им выбора? Или противоположная крайность – примеры маргинальных и радикальных слоев восточного общества, где отступление от веры считается чуть ли не смертным грехом, а убить иноверца почитается богоугодным делом.

На это вы мне скажете, что, к счастью, у нас еще есть свобода «получения знаний», если можно ее так обозвать. Если вы говорите о государственных институтах как источниках знаний, то мне даже как-то неудобно занимать время читателя и отвечать на это избитыми истинами, опровергающими всяческую возможность рассмотрения официального образования в качестве провайдера объективных знаний о мире. Достаточно привести пример мистификации мирового масштаба – дарвинизма. Или, например, такие теории, как марк-

сизм, которые преподносились как высочайшие научные достижения и завоевания человеческой мысли. Что же касается независимого самообразования человека, который волен саморазвиваться и заниматься интересующими его исследованиями, делать открытия, мыслить... то здесь я коротко скажу, что знания – это информация, а доступная информация в принципе строго ограничена, крайне порционно и дозированно выдается широкой публике. Научные же знания и богатейшие кладези научной мысли аккумулируются в политических целях. Все технологии, имеющие принципиальное значение для развития человечества, строго засекречены. Наука подчинена политике. В особенности, химия, медицина... Достаточно вернуться во времена холодной войны между главным претендентом на мировое лидерство США и главным, с точки зрения США, страшным и опасным «врагом» Советским Союзом. Даже не хочу сейчас в принципе касаться вопроса химического и бактериологического оружия, активные разработки которого велись в обстановке полной секретности обеими сторонами, так сказать, на обоих мировых полюсах противоречия и противостояния.

Тогда мой находчивый оппонент опять откажется сдаваться и скажет, что у нас есть еще одна свобода – ведь мы же вольны выбирать свой собственный образ жизни, короче говоря, можем жить, как нам заблагорассудится, естественно, пока мы действуем в рамках закона. Однако, мне думается, мы уже давно поработаны, сами того не замечая. Ведь нами

движет необходимость зарабатывать деньги, чтобы не умереть с голоду. Люди давно перестали создавать прекрасные творения искусства только ради создания прекрасного. Все равно в итоге надо вновь созданный предмет искусства продать и получить за это деньги. А ведь когда-то прекрасное было бесценно, и люди оставляли наскальные рисунки, не имея ни малейшего намерения их продать и заработать на этом. Сейчас, конечно, некоторые особо творческие и одаренные люди тоже оставляют наскальные рисунки... Хм, исходя из этой аналогии, может быть, и можно прийти к выводу, что ничего не изменилось со времен пещерного человека... Люди давно перестали помогать друг другу просто из доброты душевной. Теперь это называется – «оказание услуг». У кого что лучше получается – кто-то лечит людей, а кто-то их учит. Ну а огрехи первых исправляют другие – бальзамируют тела усопших, в случае если врачам не удалось их вылечить, или ищут преступников и сажают их за решетку, в случае если учителям не удалось посеять в их сердцах семена доброты и морали... И так далее – бесконечный круговорот «оказания услуг».

Что еще остается? Свобода перемещения в пространстве. Нда... конечно. Только вот незадача: любое ваше передвижение, которое, конечно, совершенно самостоятельно вами выбрано, отслеживается и фиксируется, и при желании, как только перемещение ваше кому-то станет неудобным, не составит труда вас отыскать в любой момент, даже если вы пря-

четесь в стоге сена где-нибудь в отдаленной забытой богом деревушке.

Что уж тогда говорить о свободе личности...

Надежда лишь остается на любовь. ПОКА ЧТО это чувство не могут у нас отобрать, так как элементарно не знают его природы до конца. ПОКА ЧТО это источник нашей свободы и нашего равенства. И ПОКА ЧТО, как это ни банально звучит, это то, что, в прямом и переносном смысле, сохраняет нам жизнь.

Но это все абстрактные рассуждения. Что же касается реального положения дел, то бизнес для меня – это олицетворение моего понимания свободы. В бизнесе вы вольны действовать, зачастую нарушая все существующие правила (читай – законы). Разумеется, для этого потребуется смекалка, наглость и смелость. Но это уже другой вопрос. Только вот, бизнес – это никак не олицетворение равенства. Потому как здесь ключевую роль играет не ум, и не удача, как могло бы показаться на первый взгляд. А информация. И эта информация очень тщательно охраняется сильными мира сего.

Как они не понимают? Бизнес давно перестал быть для меня «делом жизни», или как это говорится, средством к существованию, средством самореализации. Давным-давно, с тех пор как я оказался замешан в деле с акциями прави-

тельства Моей страны, выпущенными ещё в далёких тридцатых годах. Это произвело на меня разрушительное воздействие. Есть некоторые вещи, меняющие психику, которые, как ржавчина, въедаются в мозг, и коррозия необратима. Как, например, не секрет, насколько мощное воздействие на психику людей оказывает стресс подобный тому, что люди испытывают при участии в военных действиях. На международном уровне давно уже ведутся исследования изменений в психике человека, прошедшего войну. Мне стало известно, например, что в 1920-х годах под руководством Британского бюро психологической войны активно велось изучение влияния бомбардировок на британских солдат во время Первой мировой войны. Целью этого исследования было установить степень угнетения психики людей под влиянием стресса. Так и мой мозг оказался под разрушительным влиянием ржавчины. Ржавчины неискоренимой, рождаемой стрессом, с той только разницей, что причиной этого стресса были не военные действия (хотя косвенным образом и они тоже), а знания. Это как техника НЛП, как обучение механизмам рефрейминга – все факты с помощью простой логики механически переворачиваешь с ног на голову. Раз научившись этому механизму, потом применяешь его абсолютно во всех случаях. Так мужчина, который слышит от женщины «Я тебя люблю», понимает «Дай мне денег». Это примерно то же, как находиться в свободном полете в космосе. Какая разница, в какую сторону ты повернешься головой, вниз или вверх, влево

или вправо? Масштабы становятся таковыми, что параметры пространства не играют роли. Земля сверху или снизу – один черт. Более того, параметры ВРЕМЕНИ не играют роли...»

«Интересно, что это за акции, выпущенные в тридцатых годах?» – думал Дэн, погруженный в бугристые от высохшей влаги страницы Оффенгеймеровского дневника. Дэн с сожалением вынужден был пропускать некоторые большие абзацы, написанные перьевой ручкой, так как чернила там, как он и предполагал, полностью были размыты водой. Однако основной текст все же остался цел.

Из того, что он прочитал, следовало также, что дядя Эрик имел явно нехорошие намерения по отношению к отцу Эммы до того, как приехал в Россию. И в очередной раз Дэна начали будоражить угрызания совести, ведь он держал в руках материал, который мог способствовать официальному расследованию трагических по сути обстоятельств, приведших, ни больше ни меньше, к гибели человека.

Ну что же, оправдание для Дэна было только одно – собственное, «независимое», как говорят журналисты, расследование. Ибо самое последнее, что Дэн хотел сделать, – это нанести вред Вадиму Амелресову и, соответственно, Эмме, так как если бы с помощью дневника вскрылись какие-либо факты касательно нелегальной бизнес деятельности Вадима,

то семье его пришлось бы долго это расхлёбывать, и неизвестно ещё с какими последствиями.

Юноша чувствовал, что у него учащается пульс. На его плечи ложилась колоссальная ответственность. Он внезапно становился невольным соглядатаем чужой жизни, при чем, жизни человека, чьи действия, судя по всему, сказывались на мировой экономике и политике. Сам Дэн мечтал работать во внешней разведке, работать на свое Государство, и эта работа была в его воображении овеяна романтическим ореолом шпионских игр и службы своему Отечеству. И как всегда, все самые интригующие и невероятные тайны и вопросы были связаны с Моей Страной. И тут оказалось, что Эрик был гражданином этой страны, о которой было так мало информации у общественности. О важности её роли в мировой политике можно было только догадываться по косвенным неподтвержденным фактам. Здесь же Дэну могли открыться такие истины, которые многие годы намеренно скрывались за семью печатями.

«Надо будет уговорить отца, – думал Дэн, – отпустить меня завтра на полдня в Канны. И взять с собой Милану, она ведь так шпарит по-французски. Хочу поговорить кое о чем с шефом полиции, с полковником. Ох, забыл, тут же еще этот Дэвре, Жак или Жан... как его там»...

Дэн заснул на рассвете.

Глава 4. Самое интересное расследование

Милана и Эмма сидели на верхней палубе. Светлые густые волосы Эммы развевались на ветру, слегка касаясь страниц раскрытой на коленках книги. Лицо ее было болезненно бледным. Ровно, но не совсем уверенно, Эмма читала с легким акцентом:

– «Let me not to the marriage of true minds
Admit impediments. Love is not love
Which alters when it alteration finds...»¹

– И как ты понимаешь строчку про alteration? – незаметно зевая, спросила Милана, которая откровенно скучала и смотрела, слегка нахмурившись, на бесконечное голубое море.

– Шекспир, как я вижу? – прервал занятия Дэн, когда Эмма замешкалась с ответом.

– Да, Шекспир, сто шестнадцатый сонет, – Милана заметно оживилась при появлении Дэна. – Эмма под большим впечатлением от романа Джейн Остин «Разум и чувства», где у героев Шекспир очень даже пользуется популярностью, –

¹ Мешать соединенью двух сердец Я не намерен. Может ли измена Любви безмерной положить конец? (Шекспир, сонет 116, перевод С. Маршака)

пояснила она.

– Понятно, – полушутливо произнес Дэн. – Это вы про изменение читаете, alteration?

– Изменение или измена? – лукаво подметила Милана.

– Я понял это так: любовь не подвластна никаким изменениям извне, и все такое, два любящих сердца никогда не расстанутся, так?

– Да, строчки про это, – слабо проговорила Эмма. – Только я с ними не вполне согласна. А если один из влюбленных станет инвалидом, например, это тоже не должно повлиять на их чувства?

– Хммм... – слегка поперхнулся Дэн, не сразу найдя, что ответить. – Не должно. Да, конечно, не должно, именно так, Эмма. И откуда такие мысли? – В последнее время все попытки Дэна поддерживать с Эммой шутовую непринужденную беседу с тем, чтобы отвлечь ее от мрачных мыслей, ни к чему не приводили. А Дэну, между тем, искренне хотелось помочь подруге. – Так, девушки, мне надо поговорить с Миланой. Можно, Эмма?

– А почему я не могу слышать о чем вы будете разговаривать? – Эмма простодушно приподняла выразительные тонкие брови.

– Почему же не можешь? Можешь, – смирился Дэн. – Милана, мне надо, чтобы ты со мной съездила в Канны. Будет это уже где-то через час, так что хотел предупредить. – И Дэн стал спускаться на нижнюю палубу.

– Дэн, подожди, – и Милана устремилась вслед за ним.

Когда они оказались одни на нижней палубе, и ветер заглушал слова, Милана стала нервно говорить Дэну:

– Дэн, это невозможно, Эмма все время спрашивает, что это за красная тетрадка у тебя в руках, почему ты все время рассказываешь мне какие-то истории, а ей не рассказываешь. Дэн, нужно все ей рассказать, это нечестно. Потом, она умеет хранить секреты, я уверена! И... ее так жалко!

– Нет, Милана, это может быть опасно. Просто скажи ей, что тетрадка не красная, а цвета вермильон!

– Дэн, хватит издеваться. Какой еще вермильон – вермишелевый бульон? Значит, за ее жизнь ты опасаясь, а за мою нет? – попыталась пошутить Милана.

– Вермильон – это цвет такой, понимаешь? Ярко-красный цвет!

Кокетничает? Вдруг подумал Дэн. Нет, Боже, что это я. Милана не умеет кокетничать. Она шутит, пытается меня переубедить таким образом. Женская хитрость называется.

– Конечно, нет, Милана, я и за твою и за свою жизнь опасаюсь, просто с тем, с чем можешь справиться ты в непредвиденных обстоятельствах, не сможет справиться Эмма. Она... наивная, неприспособленная к приключениям и опасностям девушка. К тому же, как говорят все врачи в один голос, ей нельзя нервничать и переживать. А мало ли что нас ждет на пути расследования смерти Графа?

– Мне очень лестно слышать, что ты видишь во мне ко-

мандного игрока. Но Эмма имеет право знать, что ты затеваешь. Она переживает, что ты исключаяешь ее из круга доверенных лиц. Если можно так выразиться. Так что ты задумал на счет поездки в Канны?

Что она хочет этим сказать? Почему так настаивает на том, чтобы рассказать все Эмме? – думалось Дэну.

Почему он так упорно ничего не хочет рассказывать Эмме? Ему бы в первую очередь все и рассказать своей возлюбленной, – досадовала Милана, – произвести на нее впечатление своей храбростью, обладанием невероятной находкой, секретной, никому еще не известной информацией...

– По поводу Канн, я хотел съездить в Жандармерию, увидеться с шефом полиции, чтобы задать ему один-единственный вопрос: на основе чего они сделали финальное заключение, что найденное тело – это тело дяди Эрика.

– У тебя есть сомнения?

– На самом деле есть. Чем больше я вчитываюсь в его дневник, тем больше я понимаю, что он был ...напуган... тем, что столько знает, напуган своим жизненным опытом. Но суицидальных мотивов я там пока не увидел. Может, я совершенно не разбираюсь в психологии, конечно.

– Хорошо. Тогда у меня есть идея получше. У нас же есть Дэвре. Твой визит к шефу полиции, как ты его упорно называешь, может вызвать излишние подозрения. А тут – Дэвре. Источник информации не отходя от кассы. Тебе, как мне кажется, нужно попытаться войти к нему в доверие. Как-ни-

будь поговори с ним разок по душам, тет-а-тет. Может, он сам все расскажет. И даже больше, чем ты бы узнал в Каннах.

И все-таки, Милана умна, подумал Дэн.

«Интересно, думалось Дэвре, стоящему перед зеркалом у себя в каюте, как бы мне их всех вывести на чистую воду? Надо бы побеседовать подробно с ними со всеми по отдельности. Но просто так ведь не побеседуешь, с бухты-баракты. Надо войти в доверие, расположить к себе, и всякая прочая чепуха. Я думаю, легче всего будет начать с молодого Енисеева. Мы все-таки с ним примерно одного возраста, будет легче найти общий язык. Я уверен, он много чего знает, а сам прячется под маской эдакого сладкого сыночка богатенького папеньки.» Тут Дэвре многозначительно дотронулся до своих великолепных усов, в точности таких же, как у его гуру, вдохновителя всей его карьеры в полиции, его Крестного Отца – Эркюля Пуаро. После этого он открыл небольшой коричневый несессер из крокодильей кожи и достал оттуда одну из многочисленных маленьких щеточек самой разнообразной конфигурации. Все они служили для ухода за его усами, которые требовали неустанного, чуть ли не медитативного наблюдения. Дэвре искренне полагал, что процесс сосредоточенного подравнивания, подкрашивания (для придания оттенка седины), подкручивания, увлажнения и набрио-

линивания усов помогает ему фокусироваться и погружаться в самые что ни на есть плодотворные размышления.

Закончив очередную процедуру с усами и удовлетворившись своим отражением в зеркале, Дэвре вышел из каюты, надеясь за ее пределами сразу же найти ответы на все мучавшие его вопросы, главным из которых был: как доказать, что Эрика Оффенгеймера убил высокий, сухопарый, мрачного вида и слегка облысевший Вадим Амелресов. Официальная версия самоубийства миллиардера совершенно не устраивала молодого талантливое сыщика, каким мнил себя Дэвре.

Выйдя на палубу, он увидел Дэна, мерно расхаживавшего из стороны в сторону и поминутно вглядывавшегося куда-то далеко за горизонт. Некоторое время Дэвре беспомощно топтался на месте. Ему никак не приходило в голову, с чего бы начать непринужденный разговор. Тут вдруг к его великому облегчению Дэн заметил Дэвре и сам к нему обратился:

– О месье Дэвре, вот и вы! А я, представьте себе, только сейчас размышлял о... Вас. – И Дэн жизнерадостно улыбнулся. Не дождавшись улыбки в ответ, он продолжил, ничуть не смутившись. – Вообще-то, если точнее, о том, каково это – работать в полиции?

«Может, ты размышлял о том, каково это – „работать“? И что значит это слово?» – злобно подумал Дэвре, но сдержался, потому что, похоже, Дэн был в разговорчивом настроении. А это именно то, что было нужно нашему сыщику.

– Как Вам сказать, месье Енисееff, – произнес Дэвре учтиво, сделав выраженный акцент на последнем слоге в фамилии Дэна.

В этот момент Жан Жак Дэвре поразил Дэна окончательной и бесповоротной непроницаемостью своего лица, которое, казалось, было высечено из камня. Если бы представитель борцов за общественный порядок в пафосных Каннах безмолвствовал, его спокойно можно было бы принять за типичный образчик парковой скульптуры. Крупный нос на лице почти двухметрового Дэвре стал вдруг угрожающе крупным.

Хоть Дэвре и не хотел этого признавать, где-то в глубине души он был рад заданному вопросу, ибо страдал грешком, присущим всем нам: любил поговорить о себе.

– Интересный вопрос Вы задали, месье Енисееff. Скажу Вам по секрету, область моей деятельности производит неизгладимое впечатление на прекрасную половину человечества. – Тут он элегантно взбодрил свои усы легким касанием пальцев и рассмеялся сухим сдержанным смехом. – Шу-чу, конечно. – И он быстро вернул непроницаемость своему лицу. – Хотя, месье Енисееff, были в моей жизни невероятные романтические истории. – Взгляд Дэвре внезапно приобрел слегка затуманенную меланхоличность. Решительно не понимая, стоит ли воспринимать слова этого человека серьезно, или смеяться его непонятному чувству юмора, Дэн решил пока осторожно произнести:

– Очень интересно, месье Дэвре.

– Умоляю Вас, зовите меня просто Жак!

– С удовольствием, Жак, а вы меня – Дэн.

– Прелестно, просто прелестно, мой дорогой друг Дэн!

Так вот, так уж и быть, поведаю Вам одну интересную историю. В Канны как-то приехала на отдых одна знаменитая актриса. Уж извините, я предпочел бы избежать имен. Женщина уже не первой молодости, но сохранившая необычайную неуловимую красоту. Такого рода красота, знаете ли, которая присутствует в каждом жесте, в каждом повороте головы... Кхм..Не буду утомлять Вас деталями. В общем, она обратилась в полицию с заявлением о краже драгоценностей. Кошмарный прецедент! Из разряда тех, что влияют на репутацию, не побоюсь этого слова, всего города! Подумать только: звезда кинематографа, бриллианты, полиция! Все в одном флаконе, как говорится. Так или иначе, по вине некоторых не существенных для моего повествования обстоятельств, это дело поручили Вашему покорному слуге. И что Вы думаете? Мои многотрудные старания и хитроумные измышления привели к чрезвычайному открытию: выяснилось, что это никто иной как муж актрисы подстроил ограбление с тем, чтобы заграбастать себе бриллианты собственной супруги! – глаза Дэвре сделались живописно круглыми, и наполнены были искренним негодованием. – *C'est terrible, terrible!* Ну и, разумеется, примадонна была страшно благодарна мне, когда весь этот клубок низменных чело-

веческих страстей, не побоюсь этого слова, был распутан. И не поверите, она даже звала меня уехать с ней в ее родную страну. Ндааа, и такое бывает, и такое случается...

Трудно было сказать, сочиняет Дэвре или говорит правду. Дэну оставалось только дивиться чудным переменам в его собеседнике. Представлявший из себя минуту назад скульптурное изваяние, Дэвре в данный момент смущенно краснел. Поистине, люди сотканы из противоречий...

На самом деле, Дэвре чертыхался что было сил и ругал себя за то, что в очередной раз разоткровенничался. Это была одна-единственная романтическая история за всю его пока что непродолжительную карьеру. И он с неописуемым наслаждением вновь и вновь возвращался к ней, особенно в минуты душевной тоски и грешного уныния. Со временем история в его воображении обросла парой десятков деталей, таких как перестрелки, погоня и даже – в минуты наивысшей тоски и наигорчайшей меланхолии, которая была свойственна молодому сыщику, – фигурировало спасение примадонны из горящего здания и страстный поцелуй в финале.

– Вот это история! – с неподдельным изумлением сказал Дэн. – Она достойна пера писателя с самой богатой фантазией. – Вот сейчас, подумал Дэн, крайне удачный момент для маневра. – Я в свою очередь тоже могу Вам сказать кое-что по секрету, Жак.

Дэвре затаил дыхание: неужели ему сейчас удастся что-то узнать? Дэн продолжал, надев на себя маску дружеской

откровенности:

– Я увлекаюсь литературой. В смысле, пытаюсь писать книгу. Хочу написать однажды бестселлер. – Дэн виновато улыбнулся, словно признаваясь в своей слабости. – Поэтому мне всегда интересно узнавать у людей те вещи, которые мое воображение не способно нарисовать. Вот, например, – Дэн выдержал паузу, чтобы Дэвре не подумал, что ему это так уж безумно интересно, и не заважничал, и продолжал ровным тоном, – например, каково это – вести расследование? Как на самом деле собираются улики, как они анализируются специалистами. Как Вы приходите на их основе к тому или иному заключению. И так далее. Эта кухня – это же такое количество деталей. – Он внимательно следил за реакцией Дэвре, пытаясь определить, заподозрил тот что-то, или нет. Но лицо Дэвре было снова совершенно непроницаемым. И в очередной раз Дэн удивился молниеносным изменениям в этом человеке.

В свою очередь, Дэвре думал в этот момент, что стоящий перед ним молодой человек явно что-то скрывает и в это же самое время пытается что-то вынюхать. Однако в целом Дэвре не мог не признать, что Дэн оказался приятнее, чем он предполагал. Казалось, он обладал пытливым умом и богатой фантазией. Дэвре опасался, что расследование может стать эмоционально сложнее, чем ему бы хотелось. Кроме того, Дэн обладал природным шармом, приветливостью и душевной теплотой. И это трудно было не заметить.

– Не нужно ходить далеко, – продолжал тем временем Дэн. – На моих глазах развернулась ужасная трагедия: погиб друг нашей семьи. И я не мог спать ночью, ворочался с боку на бок до утра, задаваясь элементарным по сути вопросом: ведь все мы видели, что лицо утопленника было разбито о скалы до полной неузнаваемости. Как следствие пришло к выводу, что это именно Эрик Оффенгеймер? Ведь никого не было на опознании тела. Насколько мне известно, его сын еще только на пути в Канны, летит сюда из Ванкувера.

– Да, Вы абсолютно правы, Дэн. Я понимаю Ваше естественное волнение. Но Вы также поймите меня: эта информация носит конфиденциальный характер. Это детали следствия, которые я, скажем так, не вправе разглашать.

– Нет-нет, я ни в коем случае не хочу склонять Вас к чему-то противозаконному. Это совершенно не входило в мои планы. Конфиденциальность есть конфиденциальность. – Дэн понял, что больше торопить и давить на собеседника не стоит, так как рыба могла сорваться с крючка.

Тут на лице Дэвре отразилось мучительное сомнение:

– Хотя, – и он взглянул на Дэна, словно надеясь прочитать в его взгляде, стоит ли ему доверить секретную информацию, или нет. Глаза сыщика прищурились, обнаружив во круг множество мельчайших складочек, которые обещали стать со временем благородными морщинами мудрости. Потом, видимо, придя к решению, что доверить информацию стоит, Дэвре продолжил, – хотя я сам всегда полагал, что

некоторые правила, как бы это помягче сказать, лишние. Тем более в Вашем случае, когда лично Вы заметили в воде тело. Я бы счел, что Вы имеете моральное право узнать хотя бы некоторые детали дела. К тому же это друг Вашей семьи.

– Да, все это для нас очень тяжело, – с сожалением вздохнул Дэн.

– Я могу надеяться, что этот разговор останется между нами? – заговорщически спросил Дэвре. Он тоже следовал своему плану. Конечно, ничего особенно конфиденциального в этой информации не было. Но трудно было представить себе более удачный поворот беседы для того, чтобы вызвать у молодого Енисеева к себе доверие.

– Конечно, даю слово чести! – сказал Дэн.

– Хорошо. Мы получили анализ ДНК утопленника, он был аналогичен ДНК Оффенгеймера, – лицо Дэвре было важным и деловитым.

– Вот так просто? Но как вам пришло в голову сравнить ДНК утопленника именно с ДНК дяди Эрика?

– Объясняю. Мы побывали на виллах практически всех людей, живущих неподалеку от бухты, где было найдено тело. Мы спрашивали, не видели ли они или, может быть, слышали от других что-то, что могло бы пролить свет на обстоятельства, приведшие к кончине неизвестного нам еще на тот момент человека. Когда же мы, наконец, добрались до дома Оффенгеймера, нам открыла его экономка. Она сообщила, что накануне печального дня Эрик не вернулся домой,

и утром она обнаружила его комнату пустой. Что было для него совершенно не характерно. Даже если он посещал вечеринки и бары, он всегда приходил ночевать к себе домой. Далее нам удалось переговорить с некоторыми из соседей Оффенгеймера. Они в один голос заявили, что Эрик в последнее время был необычайно тревожен и несчастлив. Когда же круг окончательно замкнулся на Оффенгеймере, мы взяли анализ ДНК волоса с расчески в его комнате и сравнили с ДНК утопленника. Вот так просто.

Третий день с момента обнаружения тела несчастного Эрика клонился к концу. Красивый южный закат располагал к романтике и легкости мироощущения. А Дэна угнетала ответственность за тайну дневника. И все же он чувствовал каким-то шестым чувством, что сможет сделать для Оффенгеймера гораздо больше, чем вершители правосудия, к которым этот дневник мог бы попасть. Но в то же время он почувствовал непреодолимое желание разделить вес этой тайны еще с кем-то. Вместо этого он, оставшись один на палубе, принялся за дальнейшее чтение красной кожаной тетради.

Глава 5. Самая маленькая страна

Апрель 2008

«Когда приходишь к пониманию того, на чем зиждется мировая политика, становится до опасного безразлично, что такое законы морали и совести. А я думаю так: политика есть порождение общества, это общественное явление, это попытка самоорганизации человеческого социума не как совокупности отдельных индивидуумов, а как цельного организма, ищущего для себя комфортные условия существования. В сложившихся же цивилизационных условиях получается, что у человечества, как организма, прогнившая голова. Тогда что уж говорить о его теле? От доисторического матриархата до вполне «исторического» патриархата; от Афинской демократии до французских просветителей Вольтера, Дидро, Руссо и Монтескье; от Конфуция до марксизма-ленинизма... Все эти великие мыслители и их выдающиеся учения по-своему трактовали понятие справедливого общества.

Так никто до сих пор и не пришел к консенсусу в этом вопросе.

Последняя пелена с моих глаз спала после событий 11 сентября того самого года.

Многие знают, что в Мою страну после Первой мировой войны стало стекаться огромное количество золота. Со все-

го мира. И в том числе из Китая. Якобы (я не говорю, что это подтверждается неопровержимыми фактами) наша Золотая Казна предоставляла услуги по хранению этого золота. Здесь, для будущих читателей моих дневников, которых, может, конечно, никогда и не будет, ибо кого интересуют размышления выжившего из ума и потерявшего все свое богатство (ну или почти все) старика, так вот, для будущих читателей поясню: Моя страна, знаете ли, совсем крошечная по размеру. Про нее, возможно, так особо никто и не знает. Теперь, чтобы всем было понятно, что такое Золотая Казна. Этот институт экономической власти можно сравнить, например, с Федеральным Резервом США или с российским Центробанком. С какой целью правительства мощных держав пошли бы на то, чтобы хранить на территории Моей страны свои огромные запасы золота? Ну во-первых, «ноль первые» уже тогда, в не столь далекие 20-е годы 20 века были осведомлены о грядущей Второй мировой. Что бы они делали, если бы их золото было захвачено такой мощной державой, как, например, Россия? Тогда вся экономика была бы подчинена именно той стране, которая бы потребовала в качестве военного трофея золото. Так? Что же придумали умнейшие из умнейших? Они придумали исключить возможность такого поворота сюжета в принципе, просто-напросто... спрятав все золото заранее в одном секретном хранилище. При чем, что удивительно, было даже заранее рассчитано, сколько лет понадобится для преодоления эконо-

мических и политических последствий войны до такой степени, чтобы страны-участники «страховой» операции могли безболезненно забрать свое золото обратно и восстановить статус кво. Был определен срок в 60 лет. Золото начали свозить в Мою страну, которая и выступала, собственно, инициатором всей этой операции по спасению мировой экономики от военного шторма, ужаса и хаоса, и соответственно, гарантами будущей экономической стабильности. Вместо золота мое правительство стало выдавать государственные облигации сроком на 60 лет, равные по стоимости тому количеству золота, которое было в наличии.

Разумеется, о временном устранении «золотой угрозы» над миром не могло быть и речи. Надо было добиться БЕЗвременного устранения этой угрозы. Если первым шагом было припрятать все золото под своим крылом, то вторым, гораздо более кардинальным, шагом было уничтожение золотого стандарта как такового. Платформа для подобного переворота начала закладываться уже с конца 18 столетия с помощью одного из моих любимых произведений – гигантского труда Адама Смита под названием «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданное впервые в 1776 году.

Вот всего лишь несколько выдержек из него».

Дальше в дневнике Оффенгеймера были приведены выдержки из Смитовского труда. Дэн сконцентрировал все свое внимание, потому что ему хотелось понять, к чему клонит

Эрик и почему придает такое большое внимание вопросу исторического значения ухода от золотого стандарта.

Читать пришлось долго и упорно. Дэн для себя уяснил несколько принципиальных моментов.

Смит начинал с того, что акцентировал внимание на том, что золото является, бесспорно, дорогим орудием обмена, которое легко и безболезненно можно заменить несравненно более дешевым и простым в обращении – а именно, бумажными деньгами.

«Итак, – писал далее Эрик, – в своем первом аргументе против золотого стандарта, Адам Смит излагал мысль, что заменив золото и серебро бумажными банкнотами, можно снизить затраты на денежное производство и обращение, не ухудшив его качество. Он сравнивает драгоценные металлы с шоссейной дорогой, по которой все зерно поступает на рынок, но на которой ничего не растет».

В сознании Дэна, неплохо усвоившего экономическую теорию за время обучения в МГИМО, всплыло еще несколько имен ученых, таких как Рикардо², Мизес³, а также Ф. Хай-

² **Давид Рика́рдо** (англ. *David Ricardo*, 18 апреля 1772, Лондон – 11 сентября 1823, Гатком-Парк) – английский экономист, классик политической экономии, последователь и одновременно оппонент Адама Смита, выявил закономерную в условиях свободной конкуренции тенденцию нормы прибыли к понижению, разработал законченную теорию о формах земельной ренты. Развил идеи Адама Смита о том, что стоимость товаров определяется количеством труда, необходимого для их производства, и разработал теорию распределения, объясняющую, как эта стоимость распределяется между различными классами общества.

³ **Людвиг фон Мизес** (нем. *Ludwig Heinrich Edler von Mises*, 29 сентября 1881,

ек,⁴ которые придерживались схожих взглядов.

«Второй аргумент Смита, – читал дальше Дэн, – заключался в том, что если мы хотим мира во всем мире, то золотой стандарт является тому серьезным препятствием. Сначала можно перечитать строки из его книги, что любой желающий может сделать, самостоятельно подняв великий труд великого автора, я же и их попробую правильно проинтерпретировать.

Представьте себе, есть страна, в которой все сокровища, служащие обеспечением бумажных денег, хранятся в одном замке. И вот наступает война, неприятель захватывает этот замок. А в стране уже распространены бумажные деньги. Все торговые и прочие коммерческие операции проводятся с их использованием. В этом случае, если золото захвачено неприятелем, вся экономика страны заморозится. Этим примером Смит подчеркивает опасность золотого стандарта и чрезмерного распространения бумажных денег.

А теперь интерпретация: уберите из этой картины золото и серебро. Если бы их **ВООБЩЕ** не было, пострадавшая от неудачной войны страна оказалась бы **в гораздо мень-**

Лемберг-10 октября 1973, Нью-Йорк) – экономист, философ, историк, сторонник классического либерализма, внесший значительный вклад в развитие австрийской школы экономики. Наряду с Ф.А. фон Хайеком является одним из основателей философии либертарианства.

⁴ **Фридрих Август фон Хайек** (нем. *Friedrich August von Hayek*; 8 мая 1899, Вена – 23 марта 1992, Фрайбург) – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка. Лауреат Нобелевской премии по экономике, (1974).

шем замешательстве и в гораздо менее затруднительном положении, так как сохранила бы возможность циркулирования денежной крови по ее артериям даже после захвата ее золотых запасов неприятелем.

Не можем ли мы из этого Смитовского аргумента вывести еще более шокирующую мысль, что золотой стандарт не только препятствует сохранению мира, но и стимулирует военные конфликты, так как страна, имеющая золотые запасы, становится объективной целью для нападения и захвата извне?

Безусловно, можем. Важно уметь читать между строк и анализировать. И это был третий, сильный аргумент Смита против золотого стандарта.

Авторитет Адама Смита, бесспорно, велик. Что уж говорить, если его светлый лик даже попал на бумажные банкноты. Кто как ни он мог явиться флагманом движения сторонников отмены золотого стандарта?

Но тут ведь как в шахматах, желательно просчитывать несколько ходов вперед. Что и сделало наше находчивое правительство. Они быстро сориентировались в этой переходной ситуации, предложили услуги по сохранению золота на своей территории. Конечно же, существовал еще фактор доллара США, который после Первой мировой войны начал стремительно укрепляться. Именно он становился ключевой валютой. Моя страна решила, что и ей надо иметь возможность сказать свое веское слово в этом жадном и жарком

финансовом котле. И если бы удалось в переходный период закрепиться в качестве лидеров, то без золотого противовеса прочие страны с огромным трудом могли бы впредь освободиться от кабалы сильнейшего игрока. Тогда правительство Моей страны, или вернее, те люди, которые двигали политическими фигурами в правительственных кругах Моей страны, о которых мы можем теперь только догадываться, пошли еще дальше. Они предложили следующее: мы Вам вернем золото, но через 60 лет. Почему именно такой срок? Да потому что это как раз тот период, который необходимо переждать после предсказанной заранее Второй мировой войны и посвятить водворению мира, переделу государственных границ, налаживанию мировой экономической машины. Так и решено было сделать: страны-участники этого договора, включая Китай, получили государственные облигации стоимостью свезенного ими золота на территорию Моей страны. Но только они не предусмотрели, что это было как раз тем сроком, за которое экономика Моей страны успела после Второй мировой войны воспользоваться золотыми запасами, развить свою экономику до недостижимых другими высот и вырваться в неоспоримые лидеры. В то время как остальным участникам договора оставалось лишь наблюдать со стороны за ускользающим как песок сквозь пальцы временем и гневаться на собственную не то что ошибку – на собственную непроходимую тупость и идиотизм. Они ведь не имели права посягать на свои золотые захоронения

раньше обозначенного срока!!! Моя страна крепкой хваткой вцепилась в лидерство. В середине XX века моей стране принадлежала львиная доля всего мирового запаса золота. Доллар – валюта, конвертируемая в золото, – стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов. Это все зиждилось на экономическом прорыве Штатов вкупе с грамотно проводимыми политическими переговорами. В то время как национальная валюта Моей страны стала одновременно мировыми деньгами.

Однако срок пришел. Золото надо было отдавать. Хотя, безусловно, попытки вернуть национальное богатство осуществлялись и раньше. Некоторые государства, как например Франция, считали, что их политическая сила настолько велика, что они смогут противостоять всеядному монстру, в какого превратилась Моя Страна. Давайте вспомним, как в середине шестидесятых, на встрече с президентом Моей страны высокопоставленный французский политик сообщил, что намерен обменять 1.5 миллиарда бумажных моиков (моики – так называются деньги в Моей стране, ударение на первом слоге, опять-таки, это добавление для тех не очень осведомленных людей, которые по причине малого размера Моей страны не представляют, где она находится и что она из себя представляет) на золото по существовавшему тогда официальному курсу. Президенту доложили, что французский корабль, груженный бумажными моиками, находится

в порту столицы Моей страны под названием Грюккенвилль, а в аэропорту приземлился французский самолет с таким же грузом. Наш президент пообещал высокопоставленному политику Франции проблемы, на что высокопоставленный политик в ответ объявил об эвакуации с территории Франции штаб-квартиры НАТО, военных баз НАТО, где Моя страна имела колоссальный вес и выводе нескольких десятков тысяч военнослужащих альянса. В конечном итоге это и было сделано. Высокопоставленный политик Франции и его отчаянный поступок создал опаснейший для Моей Страны прецедент: вслед за Францией другие страны, такие как Германия, также решили обменять имевшиеся у них бумажные моики на золото.

Сейчас уже мало кто помнит, что в середине девяностых кризис моиков достиг апогея. Это выражалось в стремительном падении моика по отношению ко всем ведущим валютам. И ведь это происходило как раз накануне истечения 60-летнего срока действия гособлигаций.

Позднее в начале двухтысячных моему хорошему другу, агенту внешней разведки, поручили расследовать дело о китайском судне, на котором пытались в Мою Страну доставить ящики с государственными облигациями нашего правительства, выпущенными в тридцатых годах, стоимостью в 2 миллиарда моиков. Да-да! Именно такая была их стоимость. Его отправили как эксперта на борт этого судна. Его задачей было сфабриковать все возможные доказатель-

ства фиктивности этих ценных бумаг и придать огласке этот беспрецедентный случай мошенничества международного уровня. Мой бесценный друг, вернувшись из первой командировки на судно, рассказал мне, что считал своим долгом передать мне правдивые доказательства истины – свои снимки, на которых ясно было видно, что облигации были спрятаны в древний с виду сундук, сами облигации, частично заплесневелые, частично сильно пожелтевшие, вряд ли могли быть настолько искусно фальсифицированы. Это была правда. В то же время мой друг сказал мне, что предчувствует, что ему недолго осталось жить. В самом начале сентября того самого года его отправили во вторую командировку на судно, дабы он удостоверился, что оригиналы были изъяты, а новый сундук и новые бумаги были готовы к фотоаппаратам прессы. На снимках репортеров должно было быть ясно видно, что эти облигации – явная и грязная фальсификация. 9 сентября, после того как представители прессы покинули корабль, судно со всей командой на борту, а также с моим другом, неожиданно загорелось, а затем последовала серия взрывов. Никто из команды не уцелел. Судно невероятно быстро погрузилось под воду. Все мы помним, что случилось 11 сентября, сразу после этого инцидента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.